
А.В. Комар

ДЕНЕЖНЫЙ СЧЕТ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ПРЕДГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье представлена критика распространенной в историографии идеи о раннем развитии товарно-денежных отношений, денежного обращения и счета у восточных славян в догосударственный период. Несмотря на попытки исследователей выделить материальные следы использования ранними славянами неких стандартных весовых эквивалентов стоимости драгоценных металлов ранее второй половины IX в., это все еще не может быть подтверждено реальными археологическими данными: ни находками весовых принадлежностей, ни стандартизацией веса ювелирных украшений. Отношение славян к серебру, в первую очередь, как сырью для ювелирных изделий, дополнительно подчеркивается разнородностью качества серебра в украшениях VII–IX вв. Совмещение системы меховых ценностей с металлическим серебряным эквивалентом произошло лишь с началом поступлений в Восточную Европу дирхема в конце VIII в., но этот процесс оказался нелинейным и растянулся более чем на столетие, приобретая законченный вид лишь в древнерусский период. Применяя к славянскому денежному счету принцип выделения общих элементов, положенный филологами в основу реконструкции праславянского языка, главными единицами денежной системы раннеславянского времени должны оказаться «гривна» или «гривна кун», «куна», «веверица» (белка). Предлагается интерпретация древнерусского выражения «гривна кун» как «пронизь шкурок куницы», упаковка мехов на жестком ивовом кольце (или даже с использованием железной проволоки, из которой в X–XI вв. изготавливались шейные гривны). Момент появления таких стандартизированных по качеству и числу шкурок товарных упаковок мехов («гривен») и следует считать наиболее реальной отправной точкой в формировании славянской системы эквивалентного обмена.

Ключевые слова: славяне, хазары, скандинавы, гривна, меховая торговля, денежно-весовые системы, товарно-денежные отношения.

В обобщающих исторических трудах советского периода, рассматривавших образование Древнерусского государства как естественный результат внутреннего социально-экономического развития восточнославянского общества VII–IX вв., в числе ключевых предпосылок обычно указывались образование городов, развитие ремесла и торговли, а также распространение товарно-денежных отношений. Именно эти маркеры в теории смены фор-

маций соответствовали стадии образования государства, поэтому не удивительно, что славяне – создатели такого государства – обязательно должны были обладать необходимым минимумом признаков. На обоснование данного положения были направлены усилия лучших умов советской исторической науки, но результат довольно слабо оправдывал ожидания.

При переходе к конкретным примерам в качестве городов приходилось рассматривать первые укрепленные поселения славян – городища; свидетельством качественного скачка в развитии ремесла считалось появление примитивного гончарства, а торговли – редкие находки фрагментов причерноморских амфор.

Сложнее всего дело обстоит с доказательством товарно-денежного, а не натурального, характера обмена у славян: для аргументации приходилось обращаться к археологии римского времени и на примере кладов римских монет I–II вв. н.э. демонстрировать широкое использование славянами монетного серебра уже в раннеславянский период. Арабский дирхем в VIII–X вв. лишь «заменял» римские монеты. Эта сложная комбинация отвлекала внимание исследователей от главной проблемы – материального содержания реконструируемой системы денежного обмена славян в период VI–VIII вв.

Удревнению момента возникновения денежных отношений у славян до праславянского периода во многом способствовали наблюдения лингвистов о происхождении термина «гривна», известного в значении «марка» на Руси, в Польше, Чехии, Хорватии и у верхне-лужицких славян¹. По мнению В.Л. Янина: «...возникновение этой весовой единицы, находящей ближайшие аналогии в единицах некоторых западнославянских народов, а терминологические аналогии – у большинства западных и южных славян, можно относить только ко времени общеславянского взаимодействия с римским миром, т. е. к первым векам новой эры...»². Недавно В.С. Кулешов отнес возникновение общего праславянского термина даже к еще более раннему периоду – времени Милоградской культуры раннего Железного века³.

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1986. Т. I. А-Д. С. 458.

² Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 195.

³ Кулешов В.С. К предыстории древнерусской платежной гривны // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2012. Т. 61. С. 151–173.

Проблемные моменты гипотез о древнем существовании «гривны» как денежно-весовой единицы ранее образования первых славянских государств достаточно очевидны. Весовое значение славянской «гривны» соответствует не греческой мине или римской либре, а германским маркам, что уже само по себе является хронологическим маркером. Еще более проблемной выглядит попытка археологического обоснования механизма передачи некоего славянского весового стандарта от римского времени до IX–X вв. в условиях полного отсутствия в восточнославянском ареале находок весовых принадлежностей, гирек, слитков и т.п. ранее конца IX в. Это наблюдение В.В. Кропоткина⁴ не только не потеряло актуальность в связи с новыми находками славянских кладов VII–VIII вв., но и может быть контрастно проиллюстрировано наличием весов и византийских гирек в синхронных аварских комплексах VII–VIII вв.⁵ Судя по весу гирек и экзагиев, для авар было важным различать величины в 1/3 (тремисс) и 1/2 солида (семисс), неполновесные 22-х и 23-х каратные солиды и эталонный 24-каратный солид. Более тяжелые гирьки представляют величины в 2 солида (неполновесные) и 2 серебряные драхмы, 1, 2 и 3 унции от литры весом ок. 316 г. (что, возможно, является следствием пропорциональной утраты металла из-за коррозии).

Несмотря на частое присутствие в составе славянских кладов VII в. разнообразного ювелирного лома, предназначенного для переплавки, ни гирек, ни метрологических слитков-заготовок в них нет, как не обнаружены подобные находки и на наиболее тесно связанном с Балканами Пастырском городище – несомненном центре ювелирного ремесла Среднего Поднепровья конца VII – начала VIII в. Единственная же известная в настоящий момент «восточнославянская» находка византийского экзагия VI в. происходит из древнерусского слоя X в. посада Шестовицы⁶.

⁴ *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. С. 46–47.

⁵ *Csallány D.* A kunszentmártoni avarkori ötvössír. Szentes, 1933. S. 41–47 (Tab. II–VII); *Garam E.* Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest, 2001. S. 160–162 (Taf. 119–121).

⁶ *Khamayko N.* Poids en verre d'Hésychios // Kiev – Cherson – Constantinople. Kiev; Simferopol; Paris, 2007. P. 258–259.

«Антские» клады середины – 2-й половины VII в.⁷ не включают и ни одной монеты, что также контрастирует с синхронными аварскими и восточноевропейскими кочевническими комплексами, из которых происходит достаточно представительная коллекция византийских монет и подражаний им⁸. В то же время, наличие в таких кладах старых сломанных вещей и их фрагментов наглядно иллюстрирует механизм собирания славянами серебряного лома для его переплавки на новые изделия.

Каким образом нужное количество металла отбирал без гирек ювелир, которому нужно было учесть в плюс также факторы «угара», литейные швы и каналы? Простейшим выходом выглядит использование в качестве весового эталона готового изделия, изготовленного из стандартного слитка, и именно при таком способе в этот исторический период и можно ожидать появления общеславянского весового термина «гривна».

В.Л. Янин, реконструируя раннюю додревнерусскую гривну весом в 68,22 г или 20 римских денариев, аргументировал свою позицию следующим образом: «Высказывая предположение о связи гривны IX в. с римским денарием первых веков н. э., мы должны поставить вопрос о том, каким образом эта связь могла осуществиться при отсутствии у древних восточных славян весов. По-видимому, основой сохранения выработанной в начале н. э. весовой единицы было постоянное потребление серебра в качестве сырья для производства украшений. С этой точки зрения очень важным представляется то, что термин “гривна” применялся не только к денежно-весовой единице, но и к известному виду шейного украшения. При производстве украшений устойчивых форм расход металла постоянен. Поэтому производство украшений должно было иметь дело с тра-

---

⁷ Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье (каталог памятников) // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 352–435, 586–705; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

⁸ Семенов А.И. Византийские монеты Келегейского комплекса // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1991. Вып. 31. С. 121–130; Круглов Е.В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI – VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 79–93; Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5. С. 49–55; Somogyi P. Byzantinische Fundmünzen der Awarenzeit (Monographien zur Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie. Bd. 5). Budapest, 2014.

диционными и вполне определенными количествами металла, потребными для изготовления браслета, фибулы или шейной гривны. Единство терминологии в данном случае может указывать на действительное соответствие шейной гривны принятой весовой единице. [...] Непрерывное существование литья серебряных украшений, нужно думать, и поддерживало существование весовой единицы на всем протяжении безмонетного периода V–VIII вв. Окончательное решение этого интереснейшего вопроса может быть достигнуто после систематического изучения весовых данных ранних славянских серебряных украшений»⁹.

Наиболее массивными серебряными предметами у славян VI–VII вв. действительно были браслеты (др.- русск. «обруч», «наруч», но болг. «гривна») и гривны из массивного дрота. На примере подробно изданного Мартыновского клада ювелирных изделий¹⁰, сокрытого во 2-й половине VII в. в Поросье, видим, что лишь одна шейная гривна из гладкого дрота здесь приближается по весу к марке – 225,12 г (каталог № 94). Кованная гривна с декором насечками (№ 95) значительно тяжелее – 302,95 г, близкая по весу поздней венецианской литре (301,23 г). Обрубки гривен из гладкого дрота (№ 23–25, 43, 44) образуют весовой ряд: 9,11 г, 14,05 г, 19,98 г, 27,77 г, 29,82 г, 39,19 г, 43,05 г, 53,15 г, 62,49 г, который сложно признать осмысленным.

Мартыновские браслеты значительно уступают по весу гривнам – одна пара (№ 33, 34) выполнена весом приблизительно в 1/5 литры (60,55 г, 58,57 г); вторая (№ 39, 40) – весом около 1/4 литры (80,94 г, 83,71 г); а половинки двух браслетов (№ 41, 42), весом в 55,19 г и 50,76 г, по видимому, приблизительно соответствуют целым изделиям стандарта 1/3 литры. Двуспиральные подвески (№ 30, 31, 32) малоинформативны (50,37 г, 30,5 г, 34,95 г), а односпиральные (№ 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93) усложнены обмоткой тонкой проволокой – 45,9 г, 44,9 г, 45,75 г, 46,35 г, 41,85 г, 44,25 г, 40,17 г; из них внимание привлекают две поврежденные подвески (№ 91, 93) с утратой обмотки весом в 41,85 г и 40,17 г, т.е. около 1/8 литры. Приблизительно попадают в стандарт 1/16 литры литые фигурки человечков (№13, 61, 102) – 24,2 г, 20,5 г, 20,6 г, тогда как фигурки «коней» (№ 49, 64 и 62, 63) явного стан-

⁹ Янин В.Л. Денежно-весовые системы. С. 202.

¹⁰ *Pečarskaja L.V., Kidd D. Der Silberschatz von Martynovka (Ukraina) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck, 1994.*

дарты не обнаруживают – 32,46 г, 22,9 г, 36,3 г, 37,3 г. Серебряные фибулы (№ 37 и 65) соотносятся по весу между собой приблизительно как один к двум – 49,9 г (с железной пружиной) и 95,6 г.

Для сравнения, собственно византийские изделия из клада – ложка (№ 98) и две чаши (№ 99, 100) имеют вес 35,05 г, 106,45 г и 295,45 г. Чаши № 99 и 100 достаточно четко выдержаны в метрологии литры, составляя, соответственно, 1/3 и 9/10 литры. Ложка (№ 98) несколько тяжелее 10 драхм (34,1 г), но анализ состава ее металла показал наличие лишь 16 % серебра (по сравнению с 96 и 93 % чаш)¹¹, т.е. ювелиром для ее изготовления использованы не более 2 драхм серебра.

Кратных с некоторым допуском весу драхмы изделий в Мартыновском кладе достаточно много – № 1, 2, 4, 16, 21, 22, 26, 27, 32, 36, 47, 52, 54, 56, 68, 69, 71, 83, 85, 108, 112, 113, 114. Учитывая, что речи о четком соблюдении весовых стандартов в случае изделий «славянской» части Мартыновского клада не может идти, указанные совпадения в целом можно было бы интерпретировать как использование ювелиром заготовок и шаблонов, выполненных в системе византийской метрологии. Но есть и важное «но».

Эталоном в системе товарно-денежных отношений всегда выступает условно «чистое» серебро. Таким в Мартыновском кладе выступает византийское с содержанием серебра в сплаве свыше 90% (№ 99, 100). Кроме византийских чаш, из такого серебра в кладе выполнены лишь сломанный наконечник (№ 9, 82), круглые бляшки № 83,86 (3,62 г, 1 г) и фрагмент головного венчика (№ 97), объединенные технологиейковки, а также часть паянных наконечников и бляшек с тамгообразным декором «балкано-дунайского» круга (№ 108–112), весом в 9,5 г, 5,55 г, 2,62 г, 5,5 г, 6,67 г, сама конструкция которых не предусматривает точный расчет веса.

Еще одна бляшка с тамгообразным декором (№ 21) с высокой пробой 920° показала содержание серебра всего 84%, а двучастная обувная накладка (№ 77) с пробой 916° спектральным анализом не тестировалась. Высокую пробу серебра 900° из исследованного пробированием единиц клада также имеют предметы № 1, 3а, 8, 10–12, 14, 16, 20, 26–29, 36, 62, 63, 71–74, 78, 85, 114. Остальная часть комплекса демонстрирует более низкое содержание серебра, и в свете этого показателя совершенно иначе предстают весовые характеристики всех рассмотренных выше предметов.

---

¹¹ *Ibid.* S. 48–49.

Так, содержание серебра в гривне № 94 на уровне 73 % означает, что из 225,12 г ее сплава серебра «византийского» стандарта или условно «чистого» – не более 180 г, а в гривне № 95 с содержанием серебра 37 % из 302,95 г сплава «чистого» серебра не более 124 г. В паре браслетов № 33, 34 содержание серебра 63% и 54%, т.е. 35–40 г. Совсем плохо с содержанием серебра в односпиральных височных подвесках № 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93 – от 28% до 70%, причем во всех показатели различаются. Из знаменитых мартыновских «человечков» только два (№ 13, 102) с пробой 600° имеют одинаковое содержание серебра – 67%, тогда как вторая пара (№ 60, 61) с пробами 750° и 875° показала для фигурки № 60 содержание в сплаве 57% серебра. Пальчатая фибула № 65 с содержанием серебра 36% дает не более 38 г «чистого» серебра от общего веса сплава в 95,6 г.

Вывод по результатам анализа ювелирных изделий Мартыновского клада будет достаточно обескураживающим – различное содержание серебра в его изделиях не позволяет рассматривать их как потенциальный объект весового обмена. Перед нами, напротив, предстает картина индивидуального изготовления большинства предметов, даже совсем однотипных, для которых ювелир в каждом случае подбирал некое количество серебра различного качества, порой и сам добавляя до полного объема медные сплавы. И лишь для изделий, на первый план при изготовлении которых выходила пластичность материала (при ковке или тиснении), ювелиры сохраняли «чистое» серебро. В культурном плане распределение предметов по качеству также оказалось показательным – наиболее высокопробные в кладе собственно византийские изделия и предметы «балкано-дунайского» круга влияния, тогда как «днепровские» предметы комплекса в среднем выполнены из сплавов с самым низким содержанием серебра, включая гривны и браслеты.

Мартыновский клад из круга «антских» один из самых богатых и хорошо исследованных, тогда как другие синхронные клады преимущественно изданы без весовых показателей. Значительно больше в нашем распоряжении информации о составе металла предметов из «антских» кладов, поскольку многие из них были подвергнуты спектральному анализу.

В Трубчевском кладе из Среднего Подесенья содержание серебра в составе сплавов оказалось чрезвычайно вариативно – факти-

чески, сложно найти два изделия с идентичными показателями¹². Ни в одном из предметов клада содержание серебра не достигает 90%, да и показатель в 80% превышают всего лишь два; в основном же представлены сплавы с содержанием серебра 40–60%, при минимальном заметном показателе – 17%. Гривны и браслеты клада выполнены из меди, вес целой гривны (№ 38) составил 212 г, а браслетов (№ 42, 43) – 41,35 г, 46,87 г. Односпиральные кольца с содержанием серебра ниже 50% (№ 31–33) весили 36,97 г, 33,28 г, 33,18 г¹³. Из других предметов привлекают внимание лишь сходный вес части пряжек (№ 124, 126–129, 132) – 30,86–33,31 г, и достаточно узкий весовой диапазон поясных наконечников (№ 68–79) – 11,04–12,74 г, равный в среднем ок. 1/3 от веса односпиральных колец. При крайне грубом допуске можно предположить, что вес металла для изготовления браслетов здесь брался из расчета 1/5 веса гривны, односпиральных колец и крупных пряжек – 1/6, а наконечников – 1/18 части гривны.

В группе кладов из Посемья наиболее репрезентативен Гапоновский клад¹⁴. Серебряных гривен или браслетов в нем не было, да и содержание серебра в большинстве сплавов ниже 40% (минимальное – 20%, максимальное – 68%). Так же, как и в Трубчевском кладе, даже совсем однотипные предметы демонстрируют разный состав металла, что говорит об индивидуальном литье каждого предмета. Учитывая, что содержание в сплаве серебра ниже 30% практически не меняет цвет изделия и не придает ему сходства с серебром¹⁵, целью изготовления низкопробных биллонов, скорее всего, было повышение антикоррозийных свойств медных сплавов.

---

¹² *Егорьков А.Н., Щеглова О.А.* Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 280–307.

¹³ *Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г.* Трубчевский клад антского времени // Матеріали І тис. н.е. з археології та історії України й Угорщини. К., 1996. С. 95–100.

¹⁴ *Гавришук И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад; *Егорьков А.Н., Щеглова О.А.* Состав металла изделий Гапоновского клада «древностей антов» // Археометрия. Киев, 2003. {<http://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Sci/Archeology/Archeometry/Applied/GapovovkaHoard.html>}

¹⁵ *Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.* Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2008. С. 152.

В Суджанском кладе содержание серебра в предметах составляет 45–61%¹⁶, в Великобудковском – 51–79%¹⁷, а в Цепляевском серебро включала только поясная накладка в количестве менее 10%¹⁸, т.е. серебро выступает примесью. В кладе из Суджи-Замостья славянские изделия также оказались биллонами – сплавами серебра и латуни, и лишь порубленные для переплавки фрагменты византийского блюда были изготовлены из серебра¹⁹. Совсем не было биллонных изделий в коллекциях кладов из Козиевки / Новой Одессы²⁰ и Куриловского²¹, но сам факт сокрытия в виде кладов предметов из медных сплавов свидетельствует об их ценности для собственников.

И лишь в ближайшем к Мартыновскому небольшом кладе из Малого Ржавца в Поросье содержание серебра в подвергнутых анализу предметах оказалось достаточно высоким – 58,6–88%, при очень большом, как для серебряных сплавов, показателе золота – 5–27%, что, правда, может объясняется искажением результатов теста из-за наличия позолоты²².

В целом, исследования состава металла изделий из «антских» кладов 1-й группы демонстрируют картину использования серебра различной пробы и, соответственно, стоимости, с намерен-

---

¹⁶ *Егорьков А.Н., Щеглова О.А.* Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа. Таб. № 5.

¹⁷ *Горюнова В.М.* Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. 1992. Вып. 1. С. 135; *Горюнова В.М., Родинкова В.Е.* Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 1999. № 4. С. 217.

¹⁸ *Дьяченко А.Г.* Технология изготовления предметов из Цепляевского клада раннеславянского времени // Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978. С. 32.

¹⁹ *Родинкова В.Е., Егорьков А.Н.* Клад раннесредневекового времени из Суджи-Замостья и состав металла его артефактов // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Международной научной конференции (Харьков, 9–10 ноября 2012 г.). Харьков, 2012. С. 71–72.

²⁰ *Егорьков А.Н., Щеглова О.А.* Металл из Козиевки / Новой Одессы // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2006. С. 24.

²¹ *Егорьков А.Н., Родинкова В.Е.* Состав металла изделий из куриловского клада раннесредневекового времени (по результатам оптико-эмиссионной спектрографии) // КСИА. 2014. Вып. № 233. С.174–175; *Сапрыкина И.А.* Состав металла изделий из Куриловского клада раннесредневекового времени (по результатам рентгенофлуоресцентного анализа) // Там же. С. 180–181.

²² *Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговский С.Я., Струина Т.А.* Мартыновский клад // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1991. Вып. II. С. 90.

ным разбавлением высококачественного византийского серебра латунями. Конечным результатом такого процесса являлось ювелирное изделие, уже не подлежащее весовому сравнению с «чистым» серебром. А следовательно, мы должны констатировать не только отсутствие у восточных славян VI–VII вв. весовых принадлежностей, но и самого серебряного эквивалента обмена.

В кладах следующего хронологического горизонта – конца VII – 1-й трети VIII в. – на смену предметам, выполненным простым литьем или ковкой, приходят многокомпонентные украшения, выполненные более сложным образом – с тиснением, пайкой, зернью. Расчет веса готового изделия в этот период несомненно был весьма приблизительным и, в первую очередь, ювелир должен был исходить из объема сырья, предоставленного заказчиком.

Самые дорогие шейные украшения в данном горизонте происходят из клада в Залесье в Поднестровье²³. Общий вес женского кольца (№ 3) с сохранившимися подвесками составил 184,7 г; полые паянные гривны имели вес: № 9 – 238,3 г; № 8 – 477,3 г; №10 – 576,1 г; № 11 – 734,6 г., шумящий наруч (№ 4) – 130,1 г; браслет из дрота с обмоткой проволокой (№23) – 26,4 г. Серебро изделий клада различного качества, выше всего у византийских предметов и выполненных в сложной технике, самое низкое – в дротовых браслетах. Вес наиболее тяжелой из шейных гривен клада – 734,6 г – составляет более 2 литр серебра и значительно больше древнерусского фунта, но весь комплект из 4-х полых гривен весит 2026,3 г, т.е. случайно или нет, ровно 5 древнерусских фунтов или чуть больше 6 литр. Полный же вес набора серебряных украшений клада с учетом утрат составлял около 8 византийских литр.

Из представительной коллекции предметов Пастырского городища²⁴ в Поднепровье спектральному анализу подвергнуты лишь находки из раскопок 1990–1992 гг., в т.ч. украшения из клада 1992 г.²⁵ Содержание серебра в проанализированных изделиях колеблется в диапазоне 47,9–86,6%, но при высоком показателе примеси золота – 1,5–5,2%. Если последнее является не особен-

²³ *Ugrin E.* Le trésor de Zalésie. Louvain-la-Neuve, 1987.

²⁴ *Приходнюк О.М.* Пастырське городище. Киев; Чернівці, 2005.

²⁵ *Приходнюк О.М.* Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастырського городища // Археологія. 1994. № 3. С. 62–63; *Он же.* Пастырський скарб 1992 року // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 1998. № 1–2. С. 96.

ностью руд или переплавки позолоченных предметов, а следствием намеренного легирования, в таком случае, учитывая соотношение стоимости золота и серебра в Византии рассматриваемого периода как 1 : 14, серебряные изделия пастырских ювелиров условно приравнивались к «чистому» серебру. Правда, следует сразу оговорить – не в качестве лома, ибо установить наличие золота в таком серебре мог только очень опытный ювелир. Данных по весовым характеристикам пастырских украшений мало, и они малоинформативны: щитки пластинчатых фибул из клада 1992 г. весят 35,5 и 37,3 г; литые звездчатые подвески – 22,5 и 22,82 г; две пары амфоровидных серег – по 6,7 и 7,02 г и 4,9 и 5,3 г. Привлекает внимание тот факт, что даже парные украшения не идентичны по весу, это означает, что ювелир не придерживался четких метрологических стандартов.

Позднейший из кладов данной группы – Харевский («Харьевский») клад из Посемья²⁶. По данным проб, из серебра византийского стандарта (с пробами 916–960°) в кладах изготовлены звездчатая височная подвеска (№ 1), пряжка и бляшки пояса (№ 9–12), фрагменты полой гривны типа залесских (№ 7, 8) и фрагменты массивной дротовой псевдовитой гривны (№ 25); высокая 900° проба также у амфоровидных подвесок (№ 6) и головного венчика (№ 22). Следующая группа серебряных предметов – височные подвески с позолотой (№ 1–3), разделитель ремней (№ 14), цепочка (№ 18), головные венчики или гривны (№ 20–24) и почти все браслеты (№ 26) – с пробой 800–875°. Наконец, самые низкопробные предметы в кладах – это серебряные бусы (№ 13) – 700°; пластинчатые фибулы (№ 15–17) – 500, 700°; и полый браслет (№ 19) – 500°. Все золотые предметы клада (№ 4, 5, 14) имеют высокую пробу 750–900°. Всего у 4-х предметов клада отмечена проба биллона (500°) – в плане качества серебра это, несомненно, наиболее «ровный» из всех проанализированных кладов.

Самый тяжелый из целых предметов Харевского клада – гривна или головной венчик (№ 21) – 233,3 г; еще один венчик (№ 23) весит 141,4 г, тогда как два остальных (№ 22, 24) легче – 17,5 г; 53,3 г. Целая гривна (№ 20) весит 56,5 г; фрагменты сломанной большего диаметра (около половины гривны) (№ 25) – 50,9 г. Поврежденный браслет с полыми концами (№ 19) – 19 г,

---

²⁶ Приходнюк О.М., Хардаев В.М. Харивский клад // *Archaeoslavica*. 1998. № 3. С. 243–282.

тогда как серия кованных (№ 26) гораздо тяжелее – 32,3 г; 33,9 г; 35,4 г; 35,6 г; 59,4 г; 72,1 г; 74,9 г; 96,9 г; 97,4 г. Технологически именно в кованных браслетах легче всего было сохранить исходный вес слитка-заготовки, но какой-либо метрологической закономерности в весе харевских браслетов, как и других предметов, мы вновь не наблюдаем. Логично заключить, что серебряные ювелирные украшения данного горизонта по-прежнему изготавливались из лома. Из серебряных украшений привлекают внимание также самые легкие изделия (№ 11–13) – 0,3–0,5 г, 0,6–1,2 г; 1–1,2 г, демонстрирующие минимальные весовые отрезки, приблизительно равные 1/12, 1/6 и 1/3 византийской драхмы. Впрочем, как уже отмечалось, серебряные бусы имеют более низкую пробу 700°, а следовательно, не могли быть изготовлены непосредственно из монет.

Что касается золотых украшений, то здесь ситуация прямо противоположная. Учитывая, что славянские клады предшествующего периода не дают оснований говорить о каком-либо обороте золотого лома, именно византийские монеты выглядят наиболее вероятным источником золота для славянских ювелиров 1-й трети VIII в. Пара серег (№ 4) весом в 8,31 и 8,67 г несомненно выполнена из двух номисм каждая, а вот на пару амфоровидных подвесок (№ 5) весом в 7,21 и 7,75 г затрачено несколько меньше металла. Любопытно, что разница общего веса золотых серег и подвесок от 16 солидов точно равна золотой обоймице весом в 3,6 г из серебряного ременного распределителя (№ 14), на котором она выглядит не очень логичным дополнением. Если обоймица действительно выполнена из остатка золота заказчика, это важный показатель способа расчета с ювелиром, который не отбирал в свою пользу излишки металла, а получал плату другим способом – например, продуктами натурального хозяйства.

Харевский клад несколько позже горизонта Пастырского, и в одну группу с кладами 2-й группы объединен из-за отсутствия полностью синхронных ему комплексов. Это последний клад Днепровского Левобережья предсалтовского периода, но в котором уже представлены характерные именно для северянского женского убора последующих трех столетий похожие на гривны головные венчики с «седловидным» пластинчатым замком (№ 21–24). Функция таких украшений как венчиков в погребениях конца X – первой трети XI в. несомненна благодаря ингу-

мационным погребениям²⁷, тогда как в более ранних комплексах они представлены только в кладях, что оставляет место для различных интерпретаций. Внимание привлекают два экземпляра из Харевского и Ивахниковского кладов с обжатым замком²⁸ – при диаметре в 13,8 и 14,7 см такие украшения элементарно не снять с шеи, не разогнув, что действительно может говорить в пользу их использования в качестве головных венчиков.

В кладе 1-й трети IX в. из Ивахников²⁹ целая гривна (№ 23) весит 110,4 г, а гривна со сломанным крючком (№ 22) – 94,2 г; целый же венчик (№ 21) тяжелее – 131,4 г, что аналогично ситуации в Харевском кладе, где два предположительно головных венчика оказались тяжелее гривен. Пластинчатые фибулы Ивахниковского клада больше и заметно тяжелее харевских (по 39,6 г) – целая (№ 25) весит 67,4 г, но достигается это за счет тяжелой медной подкладки на обороте.

Венчики из Ивахников – пожалуй, единственный пример из рассмотренных выше кладов, где с натяжкой можно увидеть реконструированную В.Л. Яниным весовую единицу в 68,22 г, но обнаруживается она почему-то уже в начальный период появления дирхемов у славян.

Гипотеза В.Л. Янина о весовом значении ранней славянской денежной «гривны» в 68,22 г была подвергнута в свое время справедливой критике В.В. Кропоткиным и затем А.В. Назаренко, констатировавшим факт, что такая весовая единица не нашла материального выражения в археологических находках раннеславянского времени³⁰. В равной степени последнее замечание касается и других выделяемых весовых «гривен кун» в 40,92 г и 51,19 г. Клады славянских ювелирных украшений VII в. скорее иллюстрируют традиционную ассоциацию «гривна = марка, литра, фунт», но, что важно, без жесткой метрологической нагрузки – лишь в качестве синонима «много серебра», «серебра на гривну». В VIII–IX вв.

---

²⁷ Шпилев А.Г. Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком (конец X–XI в.) // Русский сборник. Брянск, 2008. Вып. 4. С.43–59.

²⁸ Приходнюк О.М., Хардаев В.М. Харивский клад. Табл. XI, 2; Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки. М., 2012. (№ 24).

²⁹ Меч и златник. № 21–35.

³⁰ Кропоткин В.В. Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тыс. н.э. // Советская археология. 1958. № 2. С. 279–285; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки торговых, культурных, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 122–126.

вес шейных гривен у восточных славян значительно падает, составляя половину или даже четверть марки, а следовательно, возникновение общеславянского названия эквивалента единицы измерения серебра «гривна» в этой модели нужно относить именно к VII в., что не противоречит и данным лингвистики.

Значительно серьезнее тот факт, что археология по-прежнему не обнаруживает у ранних славян ни самого предмета эквивалентного обмена – однородного по стоимости серебра, ни следов формирования весовой системы его оценки – гирек, весов, стандартизации веса ювелирных изделий. А, следовательно, о возникновении уже в VII в. метрологически обоснованного денежно-весового термина «гривна» речь все же не идет.

Вторым возможным с точки зрения археологии периодом возникновения весовой единицы с названием «гривна», является конец IX–X вв., когда в огромном регионе севера Европы от Великобритании до Верхнего Поволжья фиксируются явные метрологические закономерности в весе серебряных гривен и браслетов³¹, а наличие единого источника серебра – арабского дирхема – приводит к относительной стандартизации качества сырья для ювелирных изделий³².

Определение времени начала знакомства восточных славян с дирхемом – предмет давней дискуссии. В XIX в. состав клада было принято рассматривать как отражение статичной картины денежного обращения региона, в которой приток восточной монеты в Европу происходил непрерывно, начиная с сасанидских драхм VII в. Но с развитием науки на первый план вышла датировка комплекса по младшему артефакту (монете) из клада, а его состав стал предметом анализа. Р.Р. Фасмер применил ккладам восточных монет археологическое понятие «закрытого комплекса», выделив на основании групп монет периоды их поступлений в Восточную Европу. Одним из наблюдений исследователя стало отсутствие кладов монет VIII в. и вывод о начале поступлений дирхемов только в начале IX в.³³

В.Л. Янин, опираясь на клад 1892 г. из Старой Ладogi с младшей монетой 786 г., удревнил начало первого периода обраще-

³¹ *Hårdh B. Silver in the Viking Age: A Regional-Economic Study. Stockholm, 1996.*

³² *Енисова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья. С. 159–160.*

³³ *Фасмер Р.Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1933. № 6/7. С. 473–484.*

ния дирхема до последней четверти VIII в., сделав вывод о проникновении дирхема в восточнославянский ареал не ранее конца VIII в. и поставив при этом под сомнение посредническую роль Хазарского каганата³⁴.

В.В. Кротопок счел все клады дирхемов VIII в. из славянско-го ареала слабодокументированными, не исключаящими наличие в них более поздних монет, поэтому продолжил «безмонетный период» у восточных славян до конца VIII в., а первый период обращения дирхема в Восточной Европе датировал 800–833 гг.³⁵.

Этот вывод вызвал несогласие со стороны ряда археологов и нумизматов, настаивающих на проникновении дирхема к славянам немедленно после начала его притока в Восточную Европу и именно через посредничество Хазарского каганата³⁶. Еще более масштабное значение хазарскому влиянию придал О. Прицак, построивший на реконструированной им метрологии платежных единиц Хазарского каганата практически весь генезис древнерусской денежно-весовой системы³⁷.

Арабская монета достаточно оперативно появилась в аланских комплексах Северного Кавказа, как о том свидетельствует находка дирхема 700 / 701 г. в склепе 1935 г. Галиата первой трети VIII в.³⁸, правда, такие комплексы пока единичны. В степных же погребениях каганата до середины VIII в. доминирует другой вектор связей – византийский, выраженный многочисленными находками солидов³⁹. Здесь отмечен лишь один случай совмест-

---

³⁴ Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 68–159.

³⁵ Кротопок В.В. Экономические связи Восточной Европы I тыс. н.э. С. 118–122; *Он же*. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII – первой половине IX в. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 72–79; *Он же*. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С.111–116.

³⁶ Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.) // МИА. 1968. № 152. С. 150–154; *Котляр М.Ф.* Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Киев, 1971. С. 19–28.

³⁷ Pritsak O. The Origins of the Old Rus' Weights and Monetary Systems: Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries. Cambridge, 1998.

³⁸ Крупнов Е.И. Галиатский могильник, как источник по истории алан-оссов // ВДИ. 1938. № 2. С. 118.

³⁹ Семенов А.И. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 180–183; *Он же*. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточ-

ной находки в одном погребении середины VIII в. (курган № 4 могильника Житков II) византийского солида 717–720 гг. и дирхема 715/716 г. чеканки⁴⁰. Археологический контекст погребения из кургана № 6 Джангара с дирхемом ок. 710 г. чеканки не издан, относится ли оно к ранним или поздним, нет данных⁴¹.

Радикальная смена вектора, по данным нумизматических находок из закрытых комплексов с надежной археологической датой, происходит не ранее 50-х гг. VIII в. Наиболее поздние выпуски византийских солидов из погребальных салтовских памятников Хазарского каганата принадлежат Константину V периода 751–757 гг.⁴². Несколько дольше, судя по материалам из Судака (751–775 гг.) и Славянского клада из Прикубанья (780–797 гг.), период поступления византийской монеты в хазарском Крыму и Тамани, где представлены солиды, обрезанные в кружок⁴³. Также обрезан по кругу и серебряный милиарисий Льва IV (775–780 гг.) из Завалишенского клада в Приосколье⁴⁴. Обрезанные монеты были несомненно выведены из византийского денежного оборо-

---

ной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1988. Вып. № 29. С. 103; *Копылов В.П., Смоляк А.Р.* Торговые связи Византии в населении Нижнего Дона в конце VII – первой половине VIII в. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. С. 57–66; *Безуглов С.И., Науменко С.А.* Новые находки византийских и иранских импортов в степях Подонья // Донская археология. 1999. № 1. С. 35–42; *Круглов Е.В.* Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т.1. С. 79–93.

⁴⁰ *Семенов А.И.* К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. С. 109.

⁴¹ Там же. С. 103. Ошибочно фигурирует в литературе как «Джангар, курган 11».

⁴² *Семенов А.И.* Византийские монеты келегейского комплекса // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1991. № 31. С. 127; *Круглов Е.В.* Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА. 1992. № 4. С. 182; *Žironkina O.* Seltene Perlenformen des chasarenzeitlichen Graberfeldes von “Netailovka” (Metallovka) am Nordlichen Donec (Severskij Donec) // Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen. Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11. bis 14. November 1994. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 1. Bonn, 1997. S. 251; *Комар А.В.* Куда «запаздывают» монеты? (К вопросу о роли монет в датировке раннесредневековых памятников Восточной Европы VI–VIII вв.) // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Библиотека журнала “Stratum Plus”. СПб.; Кишинев, 2011. С. 562–563.

⁴³ *Гурулева В.В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке // Сугдэйский сборник. Киев; Судак, 2004. Вып. 1. С. 430–441.

⁴⁴ *Фасмер Р.Р.* Завалишинский клад куфических монет VIII–IX вв. // Известия ГА-ИМК. Л., 1931. Т. VII. Вып. II. С. 8.

та, но и их хождение в рамках подчиненных Хазарии областей также было достаточно локальным.

Прекращение поступлений золотой византийской монеты к хазарам в степь было связано с разрывом политических отношений между Хазарией и Византией после брака в 760/761 г. дочери хазарского кагана и арабского наместника Закавказья Йазида ас-Сулами, уплатившего за невесту калым в виде 100 тысяч дирхемов. Скорее всего, именно с выплатой в честь нового политического брака связаны находки в степных погребениях динара 760/761 г. чеканки в кургане № 4 Соленого Займища и аббасидского дирхема 756/757 г. чеканки в кургане № 7 Петрунино IV⁴⁵. Еще один динар 733/734 г. из находки у с. Коби в Чечне, по-видимому, происходит из более позднего салтовского комплекса середины IX в.⁴⁶ Но и этот исторический эпизод вряд ли мог привести к постоянным торговым отношениям арабов с Хазарией, поскольку уже в 763–764 гг., после внезапной смерти дочери кагана и ее детей, хазары вновь обрушиваются на Закавказье с новыми набегами, обусловившими отстранение Йазида ас-Сулами от должности в 764 г.⁴⁷

В салтовском погребении № 164Б Нетайловского могильника в бассейне Северского Донца обнаружены одновременно византийский солид Константина V 751–757 гг. чеканки, 2 сасанидских драхмы – Хосрова I (531–579 гг.) и Хосрова II (591–628 гг.), а также арабо-сасанидская монета наместника Табаристана Хуршида (740–761 гг.)⁴⁸. Все три серебряные монеты пробиты для ношения, а младшая еще и заметно затерта с лицевой стороны,

---

⁴⁵ Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. Т. 3. С. 59; Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. С. 9–10; Круглов Е.В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли. С. 182.

⁴⁶ Еремин Н.М., Нарожный Е.И. Новые комплексы VIII–IX вв. из окрестностей сел. Коби Шелковского района Чечни // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 1. С. 77–78.

⁴⁷ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 89–90.

⁴⁸ Аксенов В.С. Фибулы из захоронений Нетайловского могильника как индикатор ранней группы личных украшений салтовского населения Подонцовья // Хазарский альманах. Харьков, 2012. Т. 10. С. 16; Лантев А.А. Ямные ингумационные могильники в салтовской лесостепи // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства. Харків, 2013. Вип. 3. С. 94 (иллюстрации № 3, 10–13).

тем не менее, выразительный раннесалтовский облик большинства предметов из погребения позволяет ограничить время его совершения периодом до 780/790 г.⁴⁹

Состав восточных монет из комплекса не похож на выплату, напоминая скорее результат торговли с населением, привычным ранее к сасанидской драхме, что, учитывая прямые аналогии комплексу украшений из ранней группы погребений Нетайловского могильника на Северном Кавказе⁵⁰ может восприниматься как составляющая таких связей. В то же время, сасанидские и табаристанские монеты в небольшом проценте обязательно присутствовали в восточноевропейских кладах начала IX в.⁵¹, и в этом контексте погребение № 164Б Нетайловского могильника может также отражать начало первого периода обращения дирхема в регионе.

Детально проанализировав историю взаимоотношений Хазарии с византийцами и арабами в VIII в., а также статистически обработав и сравнив составы кладов восточных монет юга и севера Восточной Европы, Т.С. Нунан заключил, что именно после событий 60-х гг. VIII в. наметились политические основания для экономического сближения Хазарии с арабами, которые к концу столетия привели к появлению транзитной торговли аббасидскими дирхемами через Кавказ и Хазарию.

Начало первого периода обращения дирхема Т.С. Нунан первоначально определял по Р.Р. Фасмеру и В.В. Кропоткину – около 800 г. Он опирался на руническое граффити на дирхемах из Петерговского клада (младшая монета 804/805 г.) и из клада из Элмед в Волжской Булгарии (с младшей монетой 820/821 г.) и полагал, что этот же рубеж маркирует вовлечение в торговлю по Волжскому пути купцов-русов (норманнов)⁵². Позже нижняя гра-

---

⁴⁹ *Комар А.В.* К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия)*. Самара, 2010. С. 185–189.

⁵⁰ *Аксенов В.С.* Ранняя группа личных украшений салтовского населения Подонцовья (по материалам погребений с фибулами Нетайловского могильника) // *Древности*. Харьковский историко-археологический ежегодник. 2012. Вып. 11. С. 172–187.

⁵¹ *Noonan T.S.* When and how Dirhams First Reached Russia // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1980. Vol. 21. № 3–4. P. 409–413.

⁵² *Noonan T.S.* Ninth Century Dirham Hoards from Northwestern Russia and the South-eastern Baltic // *Journal of Baltic Studies*. 1982. Vol. 23. № 2. P. 220–244; *Idem*. Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // *AEMA*. 1984. Vol. 4.

ница первого периода была опущена исследователем до рубежа «около 775 г.»⁵³.

Еще более раннюю дату начала поступлений дирхема на север Европы предположил А.Н. Кирпичников, опираясь на находку в слое Е3-3 (750–760 гг.) Земляного городища Старой Ладоги дирхема 699/700 г. чеканки, а также дирхемов VIII в. на близких по времени поселениях в округе Ладоги. По мнению исследователя, начало международной торговли серебром началось как минимум в 60-х гг. VIII в., если не раньше⁵⁴.

В.С. Кулешов на основании тех же находок и восточной монеты в комплексах салтово-маяцкого круга, предложил выделять отдельную «ступень А (750/760–780/790)»⁵⁵, предшествующую собственно первому периоду обращения дирхема в его «классическом» понимании как начального периода транзитной торговли Европы с арабским Востоком.

Как свидетельствует дирхем 700/701 г. из Галиатского склепа, попавший в погребение в 20–30-х гг. VIII в. (не позже 737 г.), оборот дирхема в Хазарии начался даже раньше 750 г., причем нельзя исключать и реальность первого знакомства северокавказского населения с дирхемом уже около 700 г. Важно другое – такие поступления носили эпизодический характер и охватывали только население юга каганата, а количество монет в обороте оставалось относительно небольшим, пока после разрыва с Византией в 758–761 гг. у хазар не сложились предпосылки для поиска нового экономического партнера.

Насколько быстро после 761 г. и в каких объемах арабское серебро начало поступать севернее – в лесостепную и лесную зону Европы? Ответ на этот вопрос дать не так просто. На данный момент число закрытых археологических комплексов с дирхемами, имеющих четкую дату ранее конца VIII в., крайне ограничено.

Р. 151–282; *Idem*. When Did Rus/Rus' Merchants First Visit Khazaria and Baghdad? // АЕМА. 1987–1991. Vol.7. P. 213–219.

⁵³ Noonan T.S. The Economy of the Khazar Khaganate // The World of the Khazars. Leiden; Boston, 2007. P. 233–235.

⁵⁴ Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. К., 1979. С. 97–98; *Он же*. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 21–22.

⁵⁵ Кулешов В.С. Хронология обращения монет Халифата в Восточной Европе (VIII–IX вв.) // XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 года). СПб, 2011. С. 46–47.

Это уже упоминавшиеся выше погребение 164Б Нетайловского могильника (после 751 г.) и ранние горизонты Земляного городища Старой Ладogi. Горизонт Староладожского городища ЕЗ-3 с дирхемом 699/700 г. датирован в ладожской дендрохронологической схеме датой рубки старшей постройки 756 г.⁵⁶ Из жилища 2В, возведенного, по данным дендрохронологии, на рубеже 60–70-х гг. VIII в., происходят две монеты: одна неопределимая, вторая полудрахма чеканки Табаристана 768 г. В сменившем его жилище 2Б, сооруженном около 790 г., найдена еще одна табаристанская полудрахма 783 г. чеканки⁵⁷. Всего же из 6-ти определенных монет: 2 сасанидские, 3 табаристанские, 1 омейядская. В кладе 1892 г. Старой Ладogi из 31 экземпляра монет 749–786 гг. чеканки все оказались аббасидскими⁵⁸, что маркирует не только резкие количественные изменения показателя притока восточного монетного серебра на север Европы, но и вектора экономических связей.

Для салтово-маяцкого ареала Подонья, вопреки ожиданиям, археологизация дирхемов в закрытых погребальных комплексах также наблюдается не ранее хронологического горизонта II (около 790–835 гг.)⁵⁹, что делает систематический приток восточного серебра на северо-запад Хазарии в 80–90-х гг. VIII в. частью более широких экономических и политических процессов, обусловивших начало первого периода обращения дирхема. Наиболее реальным ориентиром его начала вне границ Хазарии по-прежнему остается клад 1892 г. из Старой Ладogi с младшей монетой 786/787 г. Если до 80-х гг. VIII в. спорадические поступления восточной серебряной монеты на север можно вполне объяснить контактами с населением круга влияния Хазарского

---

⁵⁶ Давидан О.И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1976. Вып. 17. С. 112; Рябинин Е.А., Черных Н.Б. Стратиграфия застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 77.

⁵⁷ Рябинин Е.А. Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 51; Рябинин Е.А., Черных Н.Б. Стратиграфия застройки и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища. С. 77–82.

⁵⁸ Марков А.К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1900. С. 140 (№ 24).

⁵⁹ Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. Киев, 1999. № 2. С. 129–132.

каганата, то после этого рубежа несомненно происходит вовлечение в торговлю арабских купцов, появление спроса и предложения на европейский товар, оплачиваемый серебром.

А.В. Фомин считал начало движения дирхема на север в 70–80-х гг. VIII в., наоборот, естественным следствием переполнения серебром собственно арабского рынка вследствие очень интенсивной чеканки дирхема в 770–780-е гг., полагая, вслед за Т.С. Нунаном, что политические препятствия такой торговле были устранены после 760 г.⁶⁰

Как уже подчеркивалось нами, эпизод арабо-хазарского союза 759–763 гг. был кратковременным, но не может не привлечь внимание факт назначения в 775 г. на должность наместника-правителя Армении бывшего зятя хазарского кагана – Йазида ас-Сулами, отстраненного после хазарского вторжения в Восточное Закавказье в 764 г. Должность на этот раз становится наследственной, и с 775 г. род Йазида ас-Сулами закрепляется в Закавказье⁶¹. С этого момента письменные источники не упоминают больше никаких конфликтов хазар с арабами вплоть до 799/800 г., что позволяет предполагать повторное установление Йазидом дружественных отношений с Хазарским каганатом, вновь подкрепленных экономическими контактами, а также дает историческое обоснование для предложенного Т.С. Нунаном рубежа начала первого периода обращения дирхема в Европе – 775 г.

Рассматривая Хазарский каганат как основной источник поступления дирхема к восточным славянам в VIII – первой половине IX в., исследователи закономерно ожидают подобных находок в первую очередь в зоне расселения славянских соседей и данников Хазарского каганата – северян, радимичей и вятичей, предполагая иногда достаточно большие объемы хождения дирхема в их среде⁶². Но пока эта модель пока не находит весомых фактических подтверждений.

---

⁶⁰ Фомин А.В. Начало обращения куфических монет в районе Балтики // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 17–18.

⁶¹ Новосельцев А.П. Хазарское государство. С. 190–191.

⁶² Шавелев С.П. Славянская дань Хазарии: новые материалы к интерпретации // ВИ. 2003. № 10. С. 141–145; Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение на территории курских северян в IX–X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т.7. С. 575; Зорин А.В., Шпилев А.Г. Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции) // Stratum plus. 2005–2009. № 5. С. 478–479.

Р.Р. Фасмер, Н.Ф. Котляр и В.Н. Зоценко составили каталоги памятников первого периода обращения дирхема⁶³ с учетом случайных и единичных находок в комплексах (независимо от их культурной принадлежности и даты) и кладов с недостаточной документацией, захватывая также регионы собственно Хазарского каганата. После вычета пунктов из ареала салтово-маяцкой культурно-исторической общности этот перечень резко сокращается. Поскольку для единичных, а особенно бесконтекстных находок невозможно определить время их поступления именно к славянам, такой тип источников в данном случае бесполезен. О значимости же контекста, необходимого для датирования комплекса, пожалуй, лучше всего говорят сасанидские драхмы Хосрова II (590–628 гг.), найденные в четырех древнерусских погребениях XI–XII вв.⁶⁴

Очевидную проблему создает и использование отрывочных данных о несохранившихся кладах или кладах, из которых определению подверглась лишь малая часть выборки. Например, в кладе у с. Новые Млины в Посемье («Паристовский хутор») из 800 монет определены всего 7⁶⁵, а из клада 1926 г. в Тернополе определена лишь золотая византийская монета, тогда как об остальных монетах клада и вовсе нет никакой информации⁶⁶. Похожая ситуация сложилась и с ранними кладами в Прибалтийском регионе, где надежно атрибутированные клады с арабскими монетами также относятся к 80-м гг. VIII в., тогда как комплексы с возможной более ранней датой вызывают сомнения из-за сохранности или слишком малой выборки⁶⁷.

---

⁶³ *Фасмер Р.Р.* Завалишинский клад куфических монет. С. 12–20; *Котляр М.Ф.* Грошовий обіг. С. 40–42; *Зоценко В.Н.* Историко-экономические связи Киева с Юго-Восточной Прибалтикой в IX – начале XIII вв. Дисс. канд. ист. наук. К. 1984 // Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф.12. С. 102–118, 261–271; *Зоценко В.М.* Південне коло обігу дирхемів у Східній Європі (VIII–IX ст.) // Археологія. 1991. № 4. С. 59–61.

⁶⁴ *Равдина Т.В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М., 1988. № 63, 68, 115, 147.

⁶⁵ *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. С. 87, 96.

⁶⁶ *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет. С. 37.

⁶⁷ *Фомин А.В.* Начало обращения куфических монет. С. 16–21; *Богущий М.* Начало импорта дирхемов в зону Балтийского моря в свете новых находок // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 2005. С. 50; *Bogucki M.* The Beginning of Dirham Import to the Baltic Sea Zone and the Question of Early Emporia // *Worlds apart?: Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age.* København, 2010. P. 351–352.

В некоторых случаях ошибочно датированы сами комплексы с монетами, рассматриваемые как свидетельство поступлений дирхема к славянам уже в VIII в.⁶⁸ Так, в жилище 7 городища Монастырек на Правобережном Поднепровье дирхем 761/762 г. чеканки обнаружен в комплексе с лепной и гончарной керамикой IX–X вв., а в жилище 1 прилегающего открытого селища дирхем 740/741 г. чеканки сочетался с лепной и гончарной керамикой X в., ланцетовидным наконечником стрелы и блесновидной застежкой X в.⁶⁹ Медный фельс 814 г. чеканки в жилище 2 того же городища найден в комплексе с гончарной посудой X в.⁷⁰ Несмотря на ранние даты чеканки арабских монет из комплексов памятника, их поступление к славянскому населению культуры Луки-Райковецкой скорее произошло уже в древнерусский период – в конце IX – первой половине X в., что иллюстрируется присутствием во всех комплексах с монетами фрагментов древнерусской гончарной посуды. Не менее показателен и тот факт, что монетные находки отсутствуют в документированных комплексах VIII–IX вв. на Правобережье Днепра и на тесно связанных с Хазарским каганатом памятниках Вольтинцевской культуры Днепровского Левобережья⁷¹.

Именно в Вольтинцевской культуре VIII – начала IX в. встречаются как прямые салтовские импорты (посуда, предметы вооружения и снаряжения коня, украшения пояса, серьги, бусы), так и предметы, созданные под технологическим влиянием салтовского населения (гончарная посуда, железные орудия труда), что демонстрирует прямое влияние Хазарского каганата на материальную культуру славян⁷². При этом ни в одном из исследованных к на-

⁶⁸ Михайлина Л.П. Слов'яни VIII–IX ст. між Дніпром і Карпатами. К., 2007. С. 152–153.

⁶⁹ Максимов Е.В., Петращенко В.А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. К., 1988. С. 20, 63–64.

⁷⁰ Там же. С. 14–15.

⁷¹ Комар А.В. Поляне и северяне // ДГВЕ. 2010. М., 2012. С. 140–148.

⁷² Юренко С.П. Днепровское лесостепное Левобережье в VII–VIII вв. I тыс. н.э. (вольтинцевская культура) / Дисс. канд. ист. наук. Киев, 1982. // Научный архив ИА НАНУ. Ф. 12; Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках вольтинцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 77–83; Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.). К., 1992. С. 16–36, 60–66; Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000. С. 15–21, 173–177; Комар А.В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары. М.; Иерусалим, 2005. С. 207–214.

стоящему моменту волынцевских комплексов не обнаружено ни единой находки дирхема, в том числе вкладах, памятниках со следами пожаров и разгромов, и, главное, на Битицком городище, где наблюдается наибольшая концентрация салтовских импортов. Полемизируя с О.В. Сухобоковым, акцентировавшим внимание на данном факте как одном из признаков хронологического различия Волынцевской и Роменской культур⁷³, А.В. Григорьев интерпретировал его как свидетельство предшествования Волынцевских памятников певрому периоду обращения дирхема в Восточной Европе, датируя его начало по В.В. Кропоткину (800–833 гг.)⁷⁴.

Данное предположение не может быть принятым, поскольку салтовские импорты с волынцевского поселения Ходосовка и Битицкого городища включают выразительные предметы второго салтовского хронологического горизонта (около 790–835 гг.)⁷⁵, в комплексах которого в Подонье как раз уже хорошо представлены дирхеми первого периода обращения. Памятники Волынцевской культуры функционировали, когда дирхем впервые начал поступать в раннюю Ладогу и к населению Салтово-маяцкой культурно-исторической общности в Подонье. Еще существовали они и в 80–90-х гг. VIII в., когда по Волжскому пути началось массовое движение восточного серебра. Но по каким-то причинам политического или экономического характера на начальном этапе первого периода обращения дирхема славянские племена бассейна Днепра были отрезаны от каналов его поступления. Меняется эта ситуация лишь во втором десятилетии IX в.

Самым ранним достоверным комплексом с дирхемами в ареале соседей хазар и их данников – северян – является клад 1848 г. из Нижней Сыроватки (206 монет в «глиняном кувшине», младшая монета 812/813 г.)⁷⁶. Также к северянскому ареалу принадлежит клад 1959 г. из Нижних Новоселок из 124 дирхемов с младшей монетой 811/812 г. (или 816/817)⁷⁷, который объединяет с предыдущим

---

⁷³ *Сухобоков О.В.* Деякі спірні питання історії населення Дніпровського Лівобережжя у другій половині 1-го тис. н.е. // *Старожитності Русі-України*. Київ, 1994. С. 208.

⁷⁴ *Григорьев А.В.* Северская земля. С. 21.

⁷⁵ *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы. С. 129–132.

⁷⁶ *Марков А.К.* Топография кладов. № 301.

⁷⁷ *Кропоткин В.В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // *Нумизматика и эпиграфика*. 1971. Т. IX. С. 79.

отсутствие в составе табаристанских монет, характерных для кладов из салтовского ареала. Два близких по времени клада найдены севернее в Посожье: Яриловичи (285 монет, младшая 820/821 г.) и Касалики (Литвиновичи) (100 монет, младшая 823/824 г.); еще далее на северо-запад расположены клады 1822 г. из Могилевской губернии (более 1300 монет, младшая 802 г.) и 1835 г. из Минской губернии (более 370 монет, младшая из определенных 802 г.); относительная концентрация кладов данного периода наблюдается и в Поочье, где в IX в. клады выпадают наиболее стабильно⁷⁸.

Ранние клады дирхемов из северянского и радимичского ареала выглядят крайне необычно на фоне славянских кладов предшествующих хронологических периодов – в них нет ювелирных предметов разной степени изношенности, серебряного лома. Количество же монет во всех превышает сотню, что не похоже и на начальный этап накопления. В таких кладах закономернее видеть «купеческую казну», сокрытую в беспокойные периоды начального этапа проникновения «восточных» торговцев к славянам.

Показателен для контраста в этом плане денежно-вещевой клад из раннероменского Новотроицкого городища. Клад из 10 монет (младшая монета 818/819 г. чеканки, старшая – 711/712 г.) находился в горшке с ломом серебряных предметов середины IX в. древневенгерского и салтовского облика⁷⁹. В горелом жилище № 1 Новотроицкого найден и пробитый для ношения дирхем 833/834 г. чеканки. Несмотря на разные даты чеканки младших монет, оба объекта относятся к одному горизонту разгрома поселения последней трети IX в.⁸⁰

⁷⁸ Марков А.К. Топография кладов. № 136; 141; 290; Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. С. 100–105 (Рис. 5); Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 91–94; Кротошкин В.В. О топографии кладов. С. 113 (рис. 1); Леонтьев А.Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. М., 1986. Вып. 183. С. 5–6 (рис.1); Кулишов В.С. Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 387–389; Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье / Авт. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 12–16; Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX – начало X в.: карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. М., 2014. Т. 2. С. 41 (карта-вклейка № 1).

⁷⁹ Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. 1958. № 74. С. 28, 52 (рис. 15, 3; 34, 2).

⁸⁰ Там же. С. 180–192; Комар А.В. Сухобоков О.В. Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 166–169.

Попытку проанализировать материалы Новотроицкого городища через призму метрологии ювелирных изделий предпринял В.С. Кулешов, выделивший две статистические медианы в весе височных колец, объявленные денежно-весовой единицей раннеславянской эпохи – «заушной»⁸¹. Разброс в весе «легких» и «тяжелых» новотроицких височных колец оказался достаточно значительным – 3,17–5,9 г и 7,28–9,45 г соответственно; целые браслеты все имели различный вес – 10,05 г, 14,67 г, 17,79 г, 18,22 г. Учитывая, что речь идет о кованных изделиях, при изготовлении которых легче всего сохранить вес заготовки, метрология «платежных единиц» новотроицкой общины оказывается слишком приблизительной. При этом в анализе совсем не был учтен состав металла украшений, даже на уровне проб; не проведено его сравнение между различными категориями украшений и с дирхемами, что выглядит очевидной проблемой на фоне данных об очень различном составе металла височных колец из могильников Днепровского Левобережья X–XII вв., с особо низким содержанием серебра в височных кольцах из северянских могильников Зеленый Гай, Липовое, Журавное⁸². В целом похожая картина разнородности качества серебра височных украшений наблюдается и у вятичей⁸³. И уж тем более странным и нелогичным выглядит использование в качестве платежных единиц метрологически нестандартных и неопределимых по чистоте серебра ювелирных украшений в эпоху распространения дирхема.

Состав монет из клада и объектов Новотроицкого важен, прежде всего, временем чеканки младших монет – 818/819 и 833/834 гг. соответственно. Абсолютное большинство монет из салтовского ареала отчеканены в VIII в., а находки дирхемов IX в. в погребальных комплексах крайне редки и представлены лишь выпуска-

---

⁸¹ *Кулешов В.С.* Денежное обращение новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-й годовщине со дня рождения И.И. Ляпушкина.* СПб., 2012. С. 65–71.

⁸² *Орлов Р.С.* Сільське ювелірне ремесло // *Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель).* Київ, 2003. С. 126–131; *Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.* имический состав ювелирного сырья эпохи средневековья. С. 152.

⁸³ *Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М., 2011. С. 124.

ми до 814 г.⁸⁴ Позднейшая монета IX в. из случайных находок на данный момент – дирхем 815/816 г. из Райгородка⁸⁵. Концом IX в. может датироваться клад из станицы Вешенской (младшая монета 874–892 гг.), из которого, впрочем, сохранились и подверглись определению всего 4 монеты и монетовидный кружок⁸⁶. Вновь достоверно в салтовский ареал дирхем возвращается лишь в X в.⁸⁷, в то время как клады и отдельные монеты IX в. в достатке встречаются в ареалах северян, радимичей и вятичей.

Причины этого парадокса пока не нашли надежного объяснения, или, точнее, на нем вообще не акцентировалось внимание.

В историографии можно найти множество размышлений о роли хазарских центров Итиль и Саркел в транзитной торговле по Волге и Дону в IX в., обсуждения версий об особом хазарском чекане дирхема в этот период, но не фиксируемого археологией почти столетнего (!) перерыва в поступлениях дирхема к рядовому населению Хазарии. И если в отношении пока так и не найденного Итиля можно по-прежнему предполагать возможность концентрации торговли с восточными купцами именно в этом городе, то исследованный археологами Саркел подчиняется общим закономерностям развития материальной культуры салтово-маяцкого ареала Подонья и дирхемов середины – 2-й половины IX в. в слоях не содержит.

---

⁸⁴ *Иченская О.В.* Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков салтовского могильника // *Материалы по хронологии археологических памятников Украины.* К., 1982. С. 144–147; *Тортика А.А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006. С. 486–488; *Лантев А.* Монеты в салтовских памятниках верхнего Подонья (Верхне-Салтовский IV-й катакомбный и Нетайловский грунтовой могильники) // I Международная научная конференция «РАСМИР»: Восточная нумизматика». К., 2013. С. 114–120.

⁸⁵ *Кропоткин В.В.* Новые находки сасанидских и куфических монет. С. 91.

⁸⁶ *Марков А.К.* Топография кладов. № 49. Дата младшей монеты, а точнее, чеканенного только с одной стороны монетовидного кружка, не совсем ясна. А.К. Марков относит ее аль-Мутаваккилю Алаллаху (847–861 гг.), но датирует временем правления его сына аль-Мутамида (870–892 гг.). В то же время, в кладе из Вешенской упоминается монетовидный кружок без признаков чеканки, которые появляются лишь в кладах X в. (*Потин В.М.* О серебряных монетовидных пластинках в кладах X–XII вв. // *Нумизматика и эпиграфика.* 1960. Т. II. С. 61–79).

⁸⁷ Надежно зафиксирован археологически лишь клад из Саркела, включавший монеты 907–962 гг. чеканки (*Артамонов М.И.* Саркел-Белая Вежа // *МИА.* 1958. № 62. С. 54; *Кропоткин В.В.* Новые находки сасанидских и куфических монет. С. 84). Упоминания о «монетах X в.» в Верхнесалтовском могильнике не могут считаться вполне достоверными (*Иченская О.В.* Особенности погребального обряда. С. 146).

Судя по младшим монетам кладов из Нижней Сыроватки (812/813 г.) и Нижних Новоселок (811/812 г. или 816/817 г.), на промежутке 813–817 гг. приходится событие, повлекшее за собой начало массового притока арабского серебра в восточнославянские земли с одновременным прекращением его поступлений в салтово-маяцкий ареал. К этому же моменту происходит насильственное прекращение функционирования целого ряда поселений Волынцевской культуры и намечаются резкие изменения в облике материальной культуры славянского населения Среднего Поднепровья⁸⁸, что придает интересующему нас событию еще и военно-политический оттенок.

Процентное соотношение монет Новотроицкого клада по дате чеканки ближе всего кладу из Углича (с младшей монетой 829/830–832/833 гг.), а малый процент дирхемов африканской чеканки (2 из 10) при резком преобладании иракских монет сравним с кладами из Угодичей (812/813 г.) и Тульской области (816/817 г.), в меньшей степени – Загородья (831/832 г.) и Вятки (835 г.)⁸⁹, что говорит о наибольшей вероятности поступления монет через северные ответвления Волжского пути, в обход Подонья.

Объем дирхемов, которым реально обладали славяне Днепровского Левобережья в середине IX в., на примере то же горизонта разгрома Новотроицкого городища, был весьма ограниченным и преимущественно аккумулировался в качестве сырья для переплавки в серебряные украшения. Несмотря на присутствие в комплексах городища выразительных предметов второй половины IX в., синхронных монет в них нет, что также важно констатировать в свете вопроса о постоянстве или же эпизодичности притока восточной монеты к славянам Левобережья в рассматриваемый период.

К западу от Днепра ситуация с распространением дирхема в IX в. обстояла ещё хуже – ни одного клада ранее 900 г. здесь просто нет. В литературе, правда, в числе ранних кладов иногда упоминается денежно-вещевой клад из Рэдукэнэнь (Răducăneni) на правом берегу р. Прут. Клад состоял из богатого набора женских украшений, характерного для славянских культур Подунавья, поясного набора и мужского перстня субботцевского (древненевенгерского) круга и 7 дирхемов 754–806 гг. чеканки с младшими монетами

⁸⁸ *Комар А.В.* Поляне и северяне. С. 146–153.

⁸⁹ *Нунан Т.С., Ковалев Р.К.* Большой клад дирхемов эпохи викингов, найденный в 2000 году в г. Козельске // Археологические вести. СПб., 2002. № 10. (Таб. 2, 3).

805/806 г.⁹⁰ Комплекс женских украшений клада аналогичен набору украшений из соседних славянских памятников X в. Молдовы – городищ Екимоуцы (Екимэуць) и Алчедар, младшие монеты из верхнего слоя которых принадлежат к выпускам 933/934 г. и 947/948 гг., а шейная гривна аналогична находкам из Крылоского клада с младшей монетой 935/936 г.⁹¹ Все это не позволяет предложить для клада из Рэдукэнэнь дату ранее начала X в. Архаичный состав монет клада выглядит весьма необычно, и его можно объяснить либо отбором старых монет для переплавки на украшения, что характерно для славянских денежно-вещевых кладов, либо поступлением через каналы салтово-маяцкого круга контактов, что в данном случае также вероятно из-за присутствия поясного набора древневенгерского облика.

Оспаривая мнение о восточных славянах как «статистах» транзитной торговли, В.Л. Янин отмечал, что во второй период обращения дирхема (833–900 гг.): «Достаточно даже беглого взгляда на карту находок, чтобы убедиться в том, что большинство русских кладов второго периода обращения дирхема ничего общего с международным транзитом не имеет. Если любой пункт находки кладов конца VIII – первой трети IX в. занимает такое положение на речных путях, что его теоретически можно связывать с торговым движением, берущим начало за пределами восточнославянских земель и оканчивающимся также за их пределами, то теперь положение меняется»⁹².

Картографирование кладов второго периода обращения дирхема действительно свидетельствует об изменениях, которые констатировал и сам В.Л. Янин – из зоны оборота дирхема в середине IX в. выпали кривичские и радимичские земли, а редкие клады дирхемов в земле северян с младшими монетами 60–70-х гг. IX в. (Моисеево, 866–869 гг.; Погребное, 875/876 г.), выглядят не более чем продолжением отрезка Окского пути, где в это вре-

---

⁹⁰ *Nikolae E., Moglan A. Răducăneni, dep. de Iași; 1969 // Monnaies et parures du Musée d'Histoire de la Moldavie de Iași. Iași, 2001. P. 43–49.*

⁹¹ *Рябцева С.С. Клад Рэдукэнэнь (Румыния) и кольцевые городища Карпато-Поднепровья // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников одиннадцатого colloквиума. СПб., 2002. С. 83–86; Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет. С. 89–92; Кропоткин В.В. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 199–201.*

⁹² *Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. С. 118.*

мя выпадает целая серия кладов⁹³. И только в третий период по Р.Р. Фасмеру (905–960 гг.), наконец, наблюдается резкое расширение ареала кладов⁹⁴, а дирхемы начинают повсеместно встречаться в древнерусских и восточнославянских закрытых археологических комплексах. Ясно, что в отлаженной системе торговли Балтики с Востоком произошли кардинальные изменения.

По наблюдениям Т.С. Нунана, вскоре после 899 г. в Восточную Европу началось поступление саманидских дирхемов среднеазиатской чеканки, которые полностью доминируют в составе кладов второго десятилетия X в., вытесняя старые монеты аббасидского чекана. Процент саманидских монет в кладах периода 900–910 гг. для ареала влияния ранней Руси относительно небольшой (13,1%), тогда как в кладах отрезка 910–920 гг. он скачкообразно достигает 93,4%. В кладах Швеции этот процент наоборот резко падает от 49,3% в период 900–910 гг. до 20,3% в 910–920 гг., причем пониженный процент саманидских дирхемов здесь сохраняется до 30–40-х гг. X в. Собственно саманидский чекан достигает пика своей интенсивности в период 910–918 гг.⁹⁵, что объясняет древнерусскую статистику кладов, но не скандинавскую.

Активизация монетных дворов Саманидов закономерно вызвала увеличение предложения серебряной монеты на рынке, способствовав его расширению через осваивание новых торговых маршрутов. Но при механическом оттоке излишка дирхемов в древнерусский ареал, в скандинавских кладах периода 910–940 гг. наблюдалось бы как минимум сохранение достаточно высокой доли саманидских дирхемов. Объяснить же картину ее резкого падения может лишь вывод о разрыве прямого канала поступлений саманидского серебра, совершенного в пользу русской торговой группировки. Случайно или нет, такое положение сохранялось в период между заключением договоров Руси с Византией 911 и 944 гг., что может говорить о попытке полной монополизации русами торговых путей.

---

⁹³ Там же. С.117–118 (рис. 17).

⁹⁴ Там же. С.136–139 (рис. 24).

⁹⁵ Нунан Т.С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти И.В. Дубова. СПб., 2004. С. 291–304; Табл. 2–5; Kovalev R.K. Dirham Mint Output of Samanid Samarqand and its Connection to the Beginnings of Trade with Northern Europe (10th century) // Histoire & Mesure. 2002. Vol. XVII. № 3/4. P. 197–216 (Graph 1; Table 3).

Как видим, включение дирхема в систему экономики восточнославянских племен происходило нелинейно. Начался этот процесс на северо-востоке, в обход Хазарского каганата, в регионах, непосредственно примыкающих к отрезкам Волжского и Окского путей, и приобрел наиболее широкое распространение лишь после подчинения племенных территорий русами. О роли дирхема как базисного эквивалентного элемента во внутрениславянской торговле ранее X в. речи, несомненно, идти не может, как и о формировании в этот период отдельной славянской системы весовой оценки серебра. Противоположная ситуация складывается в это время на севере Европы.

С конца IX в. на всей территории Северной и Восточной Европы начинают распространяться стандартные литые полиэдрические и «бочковидные» (или «сферические») железные гирьки, обтянутые медной оболочкой⁹⁶. На сторонах гирек нанесены знаки кратности (чаще всего единицам около 4,1–4,2 г и 8,1–8,2 г), иногда также имитации куфических надписей. По наблюдениям Х. Штойера, первыми в период 860–880 гг. (или 870–880 гг.) появляются полиэдрические гирьки, уже до конца века представленные и в слоях Старой Ладogi, а с рубежа IX–X вв. в комплексах появляются и «сферические»⁹⁷.

Целая коллекция полиэдрических и «сферических» гирек происходит из слоя разгрома славянского Супрутского городища в Поочье (судя по составу монет, случившегося около 910–915 гг.)⁹⁸. С учетом поправок на потери веса, здесь представлены гирьки североевропейского, византийского и мусульманского стандартов: дирхем в 2,9 г (№ 22), мискаль в 4,26 г (№ 21), солид в 4,55 г (№ 23); гирьки, кратные единице в 8,19 г: 24,57 г (№ 1, 2), 32,76 г (№ 3–6), 40,95 г (№ 7–10), 49,14 г (№ 11), 73,71 г (№ 13–14); 1/4 ратля – 102,375 г (№ 16–17); а также, вероятно,

⁹⁶ *Steuer H.* Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig. Funde des 11. bis 13. Jahrhunderts aus Europa als Quellen zur Handels- und Währungsgeschichte. Köln; Bonn, 1997; *Idem.* Die Ostsee als Kernraum des 10. Jahrhunderts und ihre Peripherien // Siedlungsforschung. Archäologie – Geschichte – Geographie. Bonn, 2004. Band 22. S. 69–74; *Idem.* Waagen und Gewichte in Janów // Der wikingerzeitliche Seehandelsplatz von Janów (Truso): geophysikalische, archäopedologische und archäologische Untersuchungen 2004–2008. (Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters Beiheft. Bd. 24). Bonn, 2012. S. 185–282.

⁹⁷ *Ibid.*

⁹⁸ *Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула, 2005. С. 111–120 (таб. № 2).

1/3 ратля – 136,5 г (№ 18–20). Две гирьки с декором в виде «вязи» (№ 1, 17) маркированы 24 точками при весе гирьки лучшей сохранности в 102 г. Единица измерения здесь близка «мискалю» в 4,25 г, а 48 подобных единиц составят 204 г, т. е. древнерусскую «гривну серебра».

Супрутская коллекция гирек, с одной стороны, отражает смешение различных весовых систем, используемых в X в. на торговых путях Восточной Европы, с другой – наглядно иллюстрирует контекст формирования ранней древнерусской денежно-весовой системы и, в частности, механизм заимствования и адаптации к европейским весовым единицам арабского ратля, одна вторая часть которого при совмещении с весовым счетом на унцию образовала европейскую «марку» и славянскую «гривну»⁹⁹.

Судя по географии использования у славян термина «гривна» в значении «марка», за исключением Руси, речь преимущественно идет о непосредственных соседях немецких княжеств – верхне-лужицкие славяне, Польша, Чехия, Хорватия. Славянская «гривна» как денежно-весовая единица в этой модели формируется параллельно германской «марке» и распространяется как термин путем диффузии в зоне совместных экономических контактов у населения, обладающего доступом к каналам поступлений восточного серебра. Данные о метрологии денежных единиц в рассматриваемых славянских регионах, к сожалению, сохранились лишь для более позднего периода XI–XIV вв., когда началась чеканка монет западноевропейского образца и, соответственно, развивались уже европейские традиции денежного счета.

В XIII–XIV вв. на польских землях источниками отмечены как минимум две разных весовых гривны (*grzywna*): «великопольская», разделяемая на 48 грошей, и «куявско-мазовецкая» в 36 грошей¹⁰⁰. Эта пропорция напоминает оценку стандарта древнерусских слитков новгородского и киевского типа в золотниках (48 и 36 золотников соответственно), а также вписывается в архаичный счет на 4, 6, 8, 12, но утверждать, что такое деление является именно славянской традицией, было бы опрометчиво.

⁹⁹ *Arne T.J.* La Suede et l'Orient. Uppsala, 1914. P. 178–192; *Комар А.В.* Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик // Хазарский альманах. 2010–2011. Киев; Харьков, 2011. С. 139–151.

¹⁰⁰ *Gumowski M.* O grzywnie i monecie piastowskiej. Krakow, 1908. S. 31–39.

48 грошей чеканились не только из польской, но и из рижской марки. В XII–XIII вв. рижская марка здесь состояла из 48 «эре»¹⁰¹, уже самим названием единицы указывая на скандинавскую традицию счета, но в деталях противоречая ей (готландская марка серебра делилась на 4 фердинга, 8 эре и 24 эртуга). «Соседняя» прусская марка состояла из 4 фирдунгов, 24 скотов, 48 полускотов; позже – 45 полускотов, 60 шиллингов и 720 пфеннигов. Польское членение гривны на 4 вярдуника / фертона, 24 скойца и 48 грошей также сохраняло германские термины. На 4 фертона, 16 лотов, 48 pondera и 256 денаров разделялась и венгерская марка, стандарты которой соответствовали германским кельнской и регенбургской маркам¹⁰².

Чешская (пражская) hřivna делилась на 4 вердунка по 4 лота и 20 солидов или на 8 унций по 2 лота и 64 гроша, но были также гривны «покутна» или «горницка» в 48 грошей и «кравлевская» в 56 грошей¹⁰³. Счетная гривна (grivna) хорватского Загреба в XIV в. состояла из 20 пенсов или 800 денаров, будучи равной 3 флоринам и 80 денарам (1 флорин = 240 денаров)¹⁰⁴. В разделении гривны на 20 частей нашла отражение другая – франкская система счета, предусматривавшая деление либры на 20 солидов (шиллингов) и 240 денариев, к которой восходит и польский szeląg. М. Гумовский обратил внимание на тот факт, что в латиноязычных польских актовых документах в счете на «шеляги» «гривне» соответствовал не термин marca, а talentum. По мнению исследователя, в XII–XIII вв. польский «талант» выступал не весовой, а счетной единицей в 240 денариев, а шеляг – в 12 денариев¹⁰⁵. Сохранение в Польше отличия «таланта» от «марки» прозрачно указывает на принадлежность «шеляга» к другой денежно-весовой системе, отсчет в которой велся не от марки, а от более тяжелой весовой единицы – либры.

Древнерусская денежно-весовая система выглядит во многом сходной с рассмотренными: марка-гривна делится на 4 гривны кун

¹⁰¹ *Hildebrand H.* Rigische Schuldbuch (1286–1325). SPb, 1872. S. XLVI–XLVIII.

¹⁰² *Engel P.* The Realm of St. Stephen: a History of Medieval Hungary, 895–1526. London, 2005. P. 62.

¹⁰³ *Doležel J.* Středověká miskovitá (lotová) závaží v českých a moravských nálezech // Přehled výzkumů. Brno, 2008. T. 49. S. 199–201.

¹⁰⁴ *Rački F.* Razhod grada Zagreba 1362 godine // Starine. Zagreb, 1872. Kn. IV. S. 121–123.

¹⁰⁵ *Gumowski M.* O grzywnie. S. 44–48.

и 48 золотников, а в IX–X вв. еще и включает шиллинг (шеляг), хотя источники и не раскрывают его точную стоимость¹⁰⁶. Но это сходство оказывается лишь «каркасным» и касается в первую очередь весового счета. Южнорусская гривна стоимостью в 1/5 гривны серебра¹⁰⁷, куны (1/100 или 1/200 гривны), резана (1/200 гривны), а также ногата (1/80) – принадлежат к другой системе счета, основанной на кратности 4, 5, 8 и 10, а не 4, 6, 8 и 12. К ней также относится и древнерусская единица счета мехов – «сорочок» («сорок»)¹⁰⁸, оказавший настолько серьезное влияние на восточнославянское население, что его результатом стала полная замена литературного числительного «четыредесятъ» на просторечное «сорок» уже к XII в.¹⁰⁹ Польским аналогом «сорочка» выступал *koźuch*¹¹⁰, счетное значение которого, к сожалению, остается неизвестным. В статье 83 IV Новгородской скры XIV в., приравнивающей кражу 5 «мехов» к краже десятка, десятка – к сорока, а сорока – к тысяче¹¹¹, отражается древнерусский способ паковки мехов, минимальная вязка в котором состояла из 5 шкурок, задавая основу дальнейшего счета.

Ногата и резана появляются в древнерусских источниках не ранее XI в., тогда как в контексте событий IX–X вв. ПВЛ упоминает всего четыре денежных единицы: «веверица» («белая веверица»), «куна» («черная куна»), «гривна» (в значении «гривна кун») и «шеляг». Вероятно, не случайно все четыре отмечены источниками и в соседнем Древнепольском государстве, правда, в основном в документах XIII в.

У полабских славян г. Ратибора в начале XIII в. отмечена дань *kunove* («*census scilicet decima et chunove*»), которая у хорватов называлась *kuna*, *kunovina* (лат. *marturinae*, *collecta mardurinalis*) (18 денаров); в подвластных Венгрии словацких Турице, Ораве

¹⁰⁶ *Комар А.В.* Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик. С. 156–161.

¹⁰⁷ *Янин В.Л.* Русские денежные системы IX – XV вв. // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 364–365; *Комар А.В.* Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик. С. 151–156; *Zuckerman C.* On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo // *Ruthenica*. 2011. Т. X. P. 28–51.

¹⁰⁸ *Ковалев Р.К.* К вопросу о происхождении сорочка: по материалам берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 62–71.

¹⁰⁹ *Жолобов О.Ф.* Историческая грамматика древнерусского языка. Т.4: Числительные. М., 2006. С. 176.

¹¹⁰ *Starodawne prawa polskiego pomniki.* Warszawa, 1856. Т. I. S. 32, 117, 129.

¹¹¹ *Schluter W.* Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII Jahrhundert. Dorpat, 1911. S. 148.

и Липтове аналогичный налог *mardurinae* еще в XIII в. уплачивался кунным мехом (*pelles mardurinae*) или деньгами (1 золотой флорин или 100 денариев)¹¹². В украинских и западнорусских документах XIV–XVII в. «коуница» также сохранилась как название вида подати¹¹³. Еще одна параллель Польши и полабских славян с Русью – использование «скот» в качестве термина «деньги» или для обозначения монеты.

Древнепольские акты и летописи упоминают в качестве товарных платежных единиц «белок» (*asperiolī, wiewióricy*) и «шкурки беличьих голов» («*pelliculae de capitibus aspergillinis*»), «куны» (*cune*) и «гривны кун» (*marcas cunarum*), мех лисы и горноста. Королевские указы 1231 и 1257 г. специально позволяли оплачивать подворовый налог кунами («*podworowe, vel cune pro podworowe*»); указ 1232 г. – платить сноповую десятину кунами и белками; указ 1227 г. – оплачивать десятину медом, а земельный налог – белками. Податный привилей 1239 г. (подтверждающий документ 1203 г.), наряду с кунами, устанавливает и древнюю плату кусочками соли¹¹⁴. Эта ситуация, так напоминающая древнерусский «безмонетный период», для Польши трактуется исследователями лишь как традиционный славянский способ расчета продуктами натурального хозяйства, так и не вытесненный с началом чеканки монеты.

Особое внимание обращает на существование в Польше «гривны кун» («*marca cunarum*») и «гривны»-марки. При сравнении величины денежного наказания в криминальных кодексах XIII в. и XIV–XV вв., исследователи истории польского права отметили, что штрафы документов XIII в. соотносятся с аналогичными штрафами позднего времени как 5 : 1. Опираясь на это наблюдение, А. Малецкий заключил, что древнейшая «пястовская» гривна составляла всего 1/5 часть гривны-марки и вполне могла бы отражать «гривну шкурок», но определение других штрафов в серебре

¹¹² *Perwolf J.* Staroslovanské řády a obyčaje // *Sborník slovanský*. Praga, 1884. R. III. S. 588. *Pusztay A.* Die Ungarn in Ihrem Staats- Und Nationalwesen Von 889 Bis 1841. Leipzig, 1843. Bd.1. S. 307–308.

¹¹³ *Срезневский И.И.* Материалы для древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т.1. Стб. 1367–1368. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Київ, 1977. Т. 1. С. 528.

¹¹⁴ *Piekosinski F.* W sprawie grzywien karnych // *Kwartalnik historyczny*. Lwow., 1894. R. VIII. S. 638–639; *Gumowski M.* O grzywnie. S. 88–91; *Sztetyllo J.* *Asperioles i marca cunarum* // *Wiadomości Numizmatyczne*. 1968. R. XII, z. 2. S. 87–103.

заставило исследователя отдать предпочтение версии о существовании отдельной весовой гривны, определенной им в 31,17 г (от реконструируемого значения польской гривны в 155,85 г)¹¹⁵.

Ф. Пекосинский определил эквивалент в серебре ранней гривны «около 40 г» (или 39,6 г), отталкиваясь от значения веса краковской марки 197,814 г, уточнив, что со счетной (монетной) гривной второй половины XIII в. «штрафная» гривна соотносилась всего как 3 : 1. «Штрафную» гривну исследователь счел древней славянской «гривной кун», выраженной в мехах или других натуральных товарах (скот, воск, мед), в противовес заимствованной от немцев серебряной гривне-марке¹¹⁶. К подобному выводу особенно подталкивал несомненный архаизм наибольшего штрафа кодекса – «триста» («*trzystu*»), выраженный первоначально в 300 кусочках соли, а затем превратившийся в нарицательное.

Гипотезы А. Малецкого и Ф. Пекосинского вызвали оживленную дискуссию исследователей, уточнявших весовое значение ранней гривны путем анализа метрологии монет или сохранившихся поздних гирек¹¹⁷. Но в объемной работе М. Гумовского о польской гривне вопрос существования особой «штрафной» гривны стоимость 1/5 гривны решался отрицательно. Исследователь предположил, что речь шла всего лишь о понижении стоимости «непосильных штрафов», на которые польские короли пошли из «гуманистических побуждений»¹¹⁸.

Такому заключению, впрочем, противоречили собранные самим же М. Гумовским данные о ценах XIII в. Так, в документе 1211 г. воз с двумя лошадьми оценивался в 25 гривен, а лошади для военных потребностей в это время же стоили от 2,5 до 8 гривен, тогда как в документе 1271 г. ущерб в 60 гривен включал огромный перечень: 8 лошадей, 11 волов, 28 коров, 8 телят, 70 свиней, 150 овец, 5 коз, 31 улей, 5 мер зерна, 6 скойцев серебра и 3 сожженных дома, а ущерб в 88 гривен: 4 коня, 2 вола, 100 свиней, 10 овец, 20 коз, 67 ульев и 12 сожженных усадеб¹¹⁹. Оценка не-

---

¹¹⁵ *Malecki A.* Grzywny karne w dawnej Polsce i najdawniejsza nasza grzywna miennicza // *Kwartalnik historyczny.* Lwow, 1893. R.VII. S. 214–239.

¹¹⁶ *Piekosinski F.* W sprawie grzywien karnych. S. 636–642; *Idem.* Moneta Polska w dobi Piastowskiej. Zawiązki rzechy menniczej w Polsce wiekow srednich. Krakow, 1898. S. 2–14.

¹¹⁷ Обзор см.: *Handelsman M.* Kara w najdawniejszym prawie polskim. Warszawa, 1908. S. 180–215.

¹¹⁸ *Gumowski M.* W sprawie grzywien karnych. S. 88–94.

¹¹⁹ *Ibid.* S. 86.

сомненно производилась в разных единицах «гривны», причем в первом случае стоимость гривны значительно ниже ожидаемого для этого периода соотношения монетной гривны и марки; тем более не может быть и речи о тождественности по стоимости «гривны кун» самой марке серебра, как предполагал М. Гумовский.

Таким образом, в Польше, достоверно заимствовавшей германское деление гривны-марки на 4 фердинга и 24 скота, термин «гривна кун», тем не менее, соответствовал не фертону (фердингу), а 1/5 части гривны-марки, т.е. фактически «южнорусской» гривне кун по В.Л. Янину. «Северорусская» гривна кун стоимостью 1/4 гривны серебра, напротив, аналогична скандинавскому фердингу. А.П. Толочко предположил, что новгородская гривна серебра, тождественная «готландской марке», является первичной, тогда как «гривна кун» возникла позже как 1/4 часть гривны серебра в качестве аналога счета на фердинги¹²⁰. Следов существования такой весовой единицы среди древнерусских гирек X – начала XI в. нам не удалось обнаружить, напротив, независимо предложенное К. Цукерманом и нами решение проблемы 5-литровой виры русско-византийского договора 911 г. как равнозначной 40 гривнам Русской правды делает изначальной «южнорусскую» гривну кун стоимостью 1/8 византийской литры¹²¹.

Гирьки весом около 40 г хорошо представлены среди стандартных древнерусских и североевропейских «сферических»¹²². Свинцовая гирька местного производства весом в 41 г найдена и в погребении № 114/51 могильника Старе Место (IX в.) из Великой Моравии¹²³. На плоскости гирьки нанесены 8 точек кратности, указывающие в данном случае на не 8 единиц, а на 1/8 часть. Как и шеляг / шиллинг (1/20 либры), такая весовая единица принадлежала к общеевропейской весовой системе либры / литры, но одновременно она составляла 1/10 часть древнерусского фунта, в то время как целого числа шелягов в гривне кун, гривне серебра

¹²⁰ Толочко А.П. О новгородской «гривне серебра» // *Ruthenica*. 2007. Т. VI. С. 359–365; Толочко А. Краткая редакция Правды Русской: происхождение текста. К., 2009. С. 26–35, 92–103.

¹²¹ Комар А.В. Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик. С. 153–156; Zuckerman C. On the Kievan Letter. P. 28–34.

¹²² Янин В.Л. Денежно-весовые системы. С. 197–198; Steuer H. Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig. S. 286.

¹²³ Poláček L. Ninth-Century Mikulčice: the “Market of the Moravians”? // *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*. Berlin; New York, 2007. Vol. 1. P. 504 (Fig. 2C).

и фунте не получалось, что и привело к исчезновению последней денежной единицы в Руси сразу же после прекращения оборота принимавшегося на вес лома дирхема. Счет в системе литры никогда не терял актуальности для южнорусского ареала, что в период нового всплеска византийского влияния на Русь во второй половине XII – первой половине XIII в. привело к возникновению серебряных слитков «киевского» типа стандарта 1/2 литры или 4-х весовых гривен кун по 40,95 г.

Древнерусская денежно-весовая система формировалась в условиях взаимодействия и острой конкуренции различных метрологических систем востока и запада, севера и юга, не прекращавшейся и в XI–XIII вв. Разные доминантные векторы экономических связей Южной и Северной Руси в конечном итоге обусловили формирование как минимум трех различных систем денежного счета – «киевской», «новгородской» и «смоленской» с различными показателями стоимости куны и гривны кун, и даже с различным содержанием термина «гривна».

Новгородские берестяные грамоты дают достаточно примеров выражения стоимости гривны в разных эквивалентах: грамота № 526 (вторая треть XI в.) упоминает «гривну кроупъмь», т.е. «обломками серебра», грамота № 227 (последняя треть XII в.) – «гривну ногатами», грамота № 392 (последняя треть XIII в.) – «гривну из ногато», а грамоты № 710 (60–90-е гг. XII в.) и № 650 (конец XII – первая четверть XIII в.) упоминают и «гривны коунами»¹²⁴. Во всех случаях, когда в грамотах значение «гривны» не разъясняется, в виду имеется именно гривна кун.

Этой картине противоречит граффити № 25 Софии Киевской, упоминающее «семьдесят гривньъ соболии, а въ томь драниць семьюстоу гривньъ»¹²⁵. Надпись выражает стоимость в разных «меховых» гривнах, причем «гривна соболей» оказывается в 10 раз дороже «гривны драниць». «Гривна» граффити – скорее величина счетная, а не эквивалентная. Опираясь на свидетельства ал-Гарнати о паковке «вытертых шкурок» белок в вязки по 18 штук, Я. Штэтылло заключил, что «драница» («содранная шкура») является древнерусским термином для такого рода денег, указав также на наличие в Холмском таможенном тарифе XIV в. сборов, выраженных в тер-

¹²⁴ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 241, 364, 376–377, 454, 519.

¹²⁵ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. С. 60–71 (Таб. № XVIII).

минах kune, scheven и marc scheven¹²⁶. А.Л. Монгайт отметил паковку шевень («шевници») в ганзейских документах XIV в. именно по 18 штук («reuse»), что иллюстрировало прямую связь шевень с описанными ал-Гарнати платежными вязками беличьих шкур¹²⁷.

Таким образом, древнерусские источники знают три «гривенных» термина для «меховых денег»: «гривна драниц» (позже – «гривна шевень»), «гривна кун» и «гривна соболей». Четыре термина для «металлической» гривны: «гривна крупьем», «гривна ногатами», «гривна серебра» и «гривна золота». Кроме «гривны крупьем» и «гривны ногатами», которые уже грамматически выражены как эквивалент другой гривны («гривна чем»), остальные 5 гривен («гривна чего») все различаются по стоимости. Ситуацию могла бы разъяснить гипотеза об изначально счетном характере «гривны», включавшей фиксированное количество неких единиц. Но источники не дают для нее оснований – гривна кун включала в Новгороде 25 кун, в Смоленске – 50 кун, в Киеве – 40 кун, а гривна серебра состояла из 48 золотников. Не оставляет впечатление, что от нас ускользает какой-то важный момент, возможно, лежащий на поверхности.

Один из таких моментов – этимология сочетания «гривна кун». Странное, на первый взгляд, «ожерелье куниц (куньих шкурок)» неожиданно хорошо корреспондируется с миниатюрами Радзивилловской рукописи с изображениями дани мехами, где шкурки нанизаны на кольцо размером с шейную гривну. А.В. Арциховский отметил на миниатюрах жесткое кольцо, интерпретированное как вязку «круглым бунтом» из ивовых прутьев, применяемую для шкур¹²⁸. Шкурки миниатюр действительно слишком крупны для белки и окрашены в коричневые тона куницы; при этом вязки на миниатюрах о дани «белой веверицей» (л. 8) и

¹²⁶ *Sztetyllo J.* Dranice i grzywny soboli // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej.* 1967. Т. 15. S.515–522; *Idem.* Scheven en Russie de Vladimir d'après le tarif des péages et des douanes du milieu du XIVe siècle // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej.* 1966. Т. 14. S. 779–794; *Idem.* Problème de l'argent non-métallique // *I Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowiańskiej, Warszawa 1965: Moneta w krajach słowiańskich.* 1968. S. 205–222.

¹²⁷ *Монгайт А.Л.* Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150–1153 гг. // *История СССР.* 1959. № 2. С. 179; *Он же.* Исторический комментарий // *Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.).* М., 1971. С. 117–119.

¹²⁸ *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 25; Рис. 3.

«черной куной» (л. 20 об.) аналогичны¹²⁹. На миниатюре о славянской дани варягам и хазарам вязка мехов с левой стороны и просматривающийся первоначальный эскиз вязки справа изображены с жестким кольцом, не деформирующимся под весом шкурок, и лишь в чистовом варианте правой вязки художник конца XV в. нарисовал поверх руки мягкое кольцо – данная реалия древнерусского времени уже не была понятной в XV–XVI вв. На иллюстрации же наложения дани Игорем на древлян хорошо виден контур начального эскиза, где нарисовано большое круглое кольцо, замененное в чистовом варианте на кольцо меньшего диаметра.

В старославянских переводах «гривна» использовалось также вместо «железный обруч – оковы для шеи»; в сербском «гривна» означала «железное кольцо-обойма для крепления косы»; в болгарском – «железный обод»¹³⁰. В этом контексте выражение «гривна кун» выглядит не просто как «пронизь шкурок куницы», но и приобретает оттенок жестко зафиксированной паковки, вплоть до использования железной проволоки, из которой в X–XI вв. реально изготавливались шейные гривны. Смысл фиксировать вязку жестким кольцом («гривной») несомненно был в случае со стандартными «платежными упаковками» мехов типа древнерусского «сорочка», специально сортированными и отобранными.

Эта гипотеза снимает противоречия в отношении счетного значения меховой «гривны» в Южной Руси – меха различных сортов просто вязались в разные стандартные упаковки, размер которых в каждом случае определялся традициями или требованиями рынка. Что же касается «северной» гривны кун, то таковая известна нам по источникам лишь с XI в. и уже в период после ее фиксации в весовом эквиваленте серебра как одну четвертую гривны серебра, когда основным источником серебра стали западноевропейские монеты и слитки.

Если применять к славянскому денежному счету принцип выделения общих элементов, положенный филологами в основу реконструкции праславянского языка, главными единицами денежной системы раннеславянского времени должны оказаться «грив-

¹²⁹ Радзивилловская летопись. Т. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб., 1994. Л. 5, 8, 20 об. (См. рис. на с. 84.)

¹³⁰ Карецкий Ф. Некоторые замечания о гривне как о древнем знаке отличия в России // Труды и летописи ОИДР. 1828. Ч. IV. Кн. I. С. 228–229; Кулешов В.С. К предыстории древнерусской платежной гривны. С. 164.

Миниатюры Радзивилловской летописи. Л. 5, 8, 20 об.,
 фрагменты (см. примеч. на с. 83).

на» или «гривна кун», «куна», «веверица» (белка), а основным эквивалентом стоимости в ней всё же выступали меха.

Данный вывод не вызовет возражений и у археолога. Несмотря на все попытки исследователей выделить материальные следы использования ранними славянами неких стандартных весовых эквивалентов стоимости в драгоценных металлах ранее второй половины IX в., это все еще не может быть подтверждено реальными археологическими данными: ни находками весовых принадлежностей, ни стандартизацией веса ювелирных украшений. Отношение славян к серебру, в первую очередь, как сырью для ювелирных изделий дополнительно подчеркивается разнородностью качества серебра в украшениях VII–IX вв.

Совмещение системы меховых ценностей с металлическим серебряным эквивалентом произошло лишь с началом поступлений в Восточную Европу дирхема в конце VIII в., но этот процесс оказался нелинейным и растянулся более чем на столетие, приобретя законченный вид лишь в древнерусский период.

Объективное состояние источников не позволяет судить о единицах и счетных закономерностях в денежной системе восточных славян в предгосударственный период, оставляя ее полностью гипотетичной. И все же, в нашем распоряжении нет данных, позволяющих предполагать использование ранними славянами иных весовых единиц, кроме римской либры (византийской литры), а крайне слабое восприятие древнерусским населением пришедшей с гривной-маркой северовропейской системы денежного счета на 4, 6, 8, 12, при прочных традициях счета на 4, 5, 8, 10, дает основания предполагать именно для последнего традиционный славянский характер, реализованный в т.ч. в стандартных паковках мехов по 5, 10, 40, 1000 шкурков. Сам же момент появления таких стандартизированных по качеству и числу шкурков товарных упаковок мехов («гривен») и следует считать наиболее реальной отправной точкой в формировании славянской системы эквивалентного обмена.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.С. Ранняя группа личных украшений салтовского населения Подонцовья (по материалам погребений с фибулами Нетайловского могильника) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2012. Вып. 11. С. 172–187.

- Аксенов В.С.* Фибулы из захоронений Нетайловского могильника как индикатор ранней группы личных украшений салтовского населения Подонцовья // Хазарский альманах. Харьков, 2012. Т. 10. С. 4–31.
- Артамонов М.И.* Саркел-Белая Вежа // МИА. 1958. № 62. С. 7–84.
- Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Безулов С.И., Науменко С.А.* Новые находки византийских и иранских импортов в степях Подонья // Донская археология. 1999. № 1. С. 35–42.
- Богущий М.* Начало импорта дирхемов в зону Балтийского моря в свете новых находок // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005. М., 2005. С. 50–52.
- Быков А.А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. Т. 3. С. 26–71.
- Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Гомзин А.А.* Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье / Авт. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013.
- Горюнова В.М.* Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. СПб., 1992. Вып. 1. С. 126–140.
- Горюнова В.М., Родинкова В.Е.* Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus. 1999. № 4. С. 167–219.
- Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.
- Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула, 2005.
- Гурулева В.В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004. Вып. 1. С. 430–441.
- Давидан О.И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1976. Вып. 17. С. 101–118.
- Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К.* Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.
- Дьяченко А.Г.* Технология изготовления предметов из Цепляевского клада раннеславянского времени // Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978. С. 27–35.
- Егорьев А.Н., Родинкова В.Е.* Состав металла изделий из куриловского клада раннесредневекового времени (по результатам оптико-эмиссионной спектрографии) // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 168–177.
- Егорьев А.Н., Щеглова О.А.* Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 280–307.

- Егорьков А.Н., Щеглова О.А.* Состав металла изделий гапоновскогоклада «древностей антов» // Археометрия. Київ, 2003.
- Егорьков А.Н., Щеглова О.А.* Металл из Козиевки / Новой Одессы // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–15 апреля 2006 г.). СПб., 2006. С. 21–24.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.* Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М. 2008. С. 107–186.
- Еремин Н.М., Нарожный Е.И.* Новые комплексы VIII–IX вв. из окрестностей сел. Коби Шелковского района Чечни // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 1. С. 75–88.
- Жолобов О.Ф.* Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 4. Числительные. М., 2006.
- Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М., 2011.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зорин А.В., Шпилев А.Г.* Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции) // Stratum plus. 2005–2009. № 5. С. 473–493.
- Зоценко В.Н.* Историко-экономические связи Киева с Юго-Восточной Прибалтикой в IX – начале XIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. К. 1984 / Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф. 12.
- Зоценко В.М.* Південне коло обігу дірхемів у Східній Європі (VIII–IX ст.) // Археологія. 1991. № 4. С. 58–72.
- Иченская О.В.* Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков салтовского могильника // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982. С. 140–148.
- Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладужская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. К., 1979. С. 92–106.
- Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 3–27.
- Ковалев Р.К.* К вопросу о происхождении сорочка: по материалам берестяных грамот. Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 62–71.
- Комар А.В.* Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары. М.; Иерусалим, 2005. С. 207–214.
- Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5. С. 7–244.

- Комар А.В.* К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010. С. 169–206.
- Комар А.В.* Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик // Хазарский альманах. Киев; Харьков. 2010–2011. С. 131–184.
- Комар А.В.* Куда «запаздывают» монеты? (К вопросу о роли монет в датировке раннесредневековых памятников Восточной Европы VI–VIII вв.) // Петербургский апокриф. Послание от Марка. Библиотека журнала «Stratum Plus». СПб.; Кишинев, 2011. С. 555–566.
- Комар А.В.* Поляне и северяне // ДГВЕ. 2010. М., 2012. С. 128–191.
- Комар А.В., Сухобоков О.В.* Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 159–173.
- Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье (каталог памятников) // Материалы по истории, археологии и этнографии Тавврии. 1996. Вып. 5. С. 352–435, 586–705.
- Копылов В.П., Смоляк А.Р.* Торговые связи Византии в населением Нижнего Дона в конце VII – первой половине VIII в // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. С. 57–66.
- Корецкий Ф.* Некоторые замечания о гривне как о древнем знаке отличия в России // Труды и летописи ОИДР. 1828. Ч. IV. Кн. I. С. 227–234.
- Котляр М.Ф.* Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971.
- Кропоткин В.В.* Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тыс. н.э. // Советская археология. 1958. № 2. С. 279–285.
- Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.
- Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.
- Кропоткин В.В.* Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII – первой половине IX в. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 72–79.
- Кропоткин В.В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. 1971. Т. IX. С. 76–97.
- Кропоткин В.В.* Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 197–202.
- Круглов Е.В.* Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // Советская археология. 1992. № 4. С. 176–183.
- Круглов Е.В.* Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI – VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 79–93.

- Крупнов Е.И.* Галиатский могильник, как источник по истории алан-оссов // ВДИ. 1938. № 2. С. 113–122.
- Кулешов В.С.* Хронология обращения монет Халифата в Восточной Европе (VIII–IX вв.) // XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Регино, 18–23 апреля 2011 года). СПб., 2011. С. 46–48.
- Кулешов В.С.* Денежное обращение новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвящённой 110-й годовщине со дня рождения И.И. Ляпушкина. СПб, 2012. С. 65–71.
- Кулешов В.С.* Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 387–389.
- Кулешов В.С.* К предыстории древнерусской платежной гривны // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2012. Т. 61. С. 151–173.
- Лантев А.* Монеты в салтовских памятниках верхнего Подонцовья (Верхне-Салтовский IV-й катакомбный и Нетайловский грунтовой могильники) // I Международная научная конференция «РАСМИР»: Восточная нумизматика. Киев, 2013. С. 114–120.
- Лантев А.А.* Ямные ингумационные могильники в салтовской лесостепи // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2013. Вип. 3. С. 88–96.
- Лебедев В.П., Зорин А.В.* Денежное обращение на территории курских северян в IX–X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т. 7. С. 575–598.
- Леонтьев А.Е.* Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. Вып. 183. С. 3–9.
- Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое: о культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / МИА. 1958. № 74.
- Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.) / МИА. 1968. № 152.
- Максимов Е.В., Петрашенко В.А.* Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев, 1988.
- Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1900.
- Меч и златник.* К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки. М., 2012.
- Михайлина Л.П.* Слов'яни VIII–IX ст. між Дніпром і Карпатами. Київ, 2007.
- Монгайт А.Л.* Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150–1153 гг. // История СССР. 1959. № 2. С. 169–181.
- Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961.
- Монгайт А.Л.* Исторический комментарий // Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 84–130.

- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки торговых, культурных, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Нунан Т.С.* Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти В.И. Дубова. СПб., 2004. С. 256–313.
- Нунан Т.С., Ковалев Р.К.* Большой клад дирхемов эпохи викингов, найденный в 2000 году в г. Козельске // Археологические вести. СПб., 2002. № 10. С. 149–163.
- Орлов Р.С.* Сільське ювелірне ремесло // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). Київ, 2003. С. 121–131.
- Потин В.М.* О серебряных монетовидных пластинках вкладах X–XII вв. // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Т. II. С. 61–79.
- Потин В.М.* Нумизматическая хронология и дендрохронология: (По материалам новгородских раскопок) // Труды Государственного Эрмитажа. 1981. Вып. 21. С. 78–89.
- Приходнюк О.М.* Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. Київ, 1994. № 3. С. 61–75.
- Приходнюк О.М.* Пастирський скарб 1992 року // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 1998. № 1–2. С. 94–99.
- Приходнюк О.М.* Пастирське городище. Київ; Чернівці, 2005.
- Приходнюк О.М., Хардаев В.М.* Харивский клад // Archaeoslavica. 1998. № 3. С. 243–282.
- Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговский С.Я., Струина Т.А.* Мартыновский клад // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1991. Вып. II. С. 72–92.
- Равдина Т.В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М., 1988.
- Радзивилловская летопись.* Т. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб., 1994.
- Родинкова В.Е., Егорьков А.Н.* Клад раннесредневекового времени из Суджи-Замостья и состав металла его артефактов // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Международной научной конференции (Харьков, 9–10 ноября 2012 г.). Харьков, 2012. С. 71–72.
- Рябинин Е.А.* Новые открытия в Старой Ладогe (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 27–75.
- Рябинин Е.А., Черных Н.Б.* Стратиграфия застройки и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. 1988. № 1. С. 72–100.

- Рябцева С.С.* Клад Рэдукзень (Румыния) и кольцевые городища Карпато-Поднестровья // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников одиннадцатого colloquiuma. СПб., 2002. С. 83–86.
- Сапрыкина И.А.* Состав металла изделий из Куриловского клада раннесредневекового времени (по результатам рентгенофлуоресцентного анализа) // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 178–186.
- Семенов А.И.* Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 180–183.
- Семенов А.И.* К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1988. Вып. 29. С. 97–111.
- Семенов А.И.* Византийские монеты Келегейского комплекса // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1991. Вып. 31. С. 121–130.
- Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Київ., 1977. Т. 1.
- Срезневский И.И.* Материалы для древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I.
- Сухобоков О.В.* Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.). Київ, 1992.
- Сухобоков О.В.* Деякі спірні питання історії населення Дніпровського Лівобережжя у другій половині 1-го тис.н.е. // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 204–210.
- Толочко А.П.* О новгородской «гривне серебра» // Ruthenica. 2007. Т. VI. С. 359–365.
- Толочко А.* Краткая редакция Правды Русской: происхождение текста. Киев, 2009.
- Тортика А.А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. 1986. Т. I. А–Д.
- Фасмер Р.Р.* Завалишинский клад куфических монет VIII–IX вв. // Известия ГАИМК. Л., 1931. Т. VII. Вып. II.
- Фасмер Р.Р.* Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1933. № 6/7. С. 473–484.
- Фомин А.В.* Начало обращения куфических монет в районе Балтики // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 16–21.
- Шпилев А.Г.* Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком (конец X–XI в.) // Русский сборник. Брянск, 2008. Вып. 4. С. 43–59.
- Щавелев А.С., Фетисов А.А.* К исторической географии Восточной Европы IX – нач. X в.: карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. М., 2014. Т. 2. С. 7–53.
- Щавелев С.П.* Славянская дань Хазарии: новые материалы к интерпретации // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 141–145.

- Щеглова О.А.* Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 77–83
- Юренко С.П.* Днепровское лесостепное Левобережье в VII–VIII вв. I тыс. н.э. (волынцевская культура) / Дисс. ... канд. наук. Киев, 1982. / Научный архив ИА НАНУ. Ф. 12
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
- Янин В.Л.* Русские денежные системы IX–XV вв. // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 364–375.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.
- Arne T.J.* La Suede et l'Orient. Uppsala, 1914.
- Bogucki M.* The Beginning of Dirham Import to the Baltic Sea Zone and the Question of Early Emporia // Worlds apart?: Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age. København, 2010. P. 35–361.
- Csallány D.* A kunszentmártoni avarkori ötvössír. Szentés, 1933.
- Doležel J.* Středověká miskovitá (lotová) závaží v českých a moravských nálezech // Přehled výzkumů. Brno, 2008. T. 49. S. 183–215.
- Engel P.* The Realm of St. Stephen: a History of Medieval Hungary, 895–1526. London, 2005.
- Garam E.* Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest, 2001.
- Gumowski M.* O grzywnie i monecie piastowskiej. Krakow, 1908.
- Handelsman M.* Kara w najdawniejszym prawie polskim. Warszawa, 1908.
- Hårdh B.* Silver in the Viking Age: A Regional-Economic Study. Stockholm, 1996. (Acta Archaeologica Lundensia. Ser. 80. Vol. 25).
- Hildebrand H.* Rigische Schuldbuch (1286–1325). SPb., 1872.
- Khamayko N.* Poids en verre d'Hésychios // Kiev – Cherson – Constantinople. Kiev; Simferopol; Paris, 2007. P. 258–259.
- Kovalev R.K.* Dirham Mint Output of Samanid Samarqand and its Connection to the Beginnings of Trade with Northern Europe (10th century) // Histoire & Measure. 2002. Vol. XVII. № 3/4. P. 197–216.
- Malecki A.* Grzywny karne w dawnej Polsce i najdawniejsza nasza grzywna miennicza // Kwartalnik historyczny. Lwow, 1893. R.VII. S. 214–239.
- Nikolae E., Moglan A.* Răducăneni, dep. de Iași; 1969 // Monnaies et parures du Musée d'Histoire de la Moldavie de Iași. Iași, 2001. P. 43–49.
- Noonan T.S.* When and How Dirhams First Reached Russia // Cahiers du monde russe et soviétique. 1980. Vol. 21. № 3–4. P. 401–469.
- Noonan T.S.* Ninth Century Dirham Hoards from Northwestern Russia and the Southeastern Baltic // Journal of Baltic Studies. 1982. Vol. 23. № 2. P. 220–244.

- Noonan T.S.* Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // *AEMA*. 1984. Vol. 4. P. 151–282.
- Noonan T.S.* When Did Rus/Rus' Merchants First Visit Khazaria and Baghdad? // *AEMA*. 1987–1991. Vol. 7. P. 213–219.
- Noonan T.S.* The Economy of the Khazar Khaganate // *The World of the Khazars*. Leiden-Boston, 2007. P. 207–244.
- Pekarskaja L.V., Kidd D.* Der Silberschatz von Martynovka (Ukraina) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck, 1994.
- Perwolf J.* Staroslovanské řády a obyčeje // *Sborník slovanský*. Praga, 1884. R.III. S. 581–592.
- Piekosinski F.* W sprawie grzywien karnych // *Kwartalnik historyczny*. Lwow., 1894. R.VIII. S. 636–642.
- Piekosinski F.* Moneta Polska w dobi Piastowskiej. Zawiązki rzechy menniczej w Polsce wiekow srednich. Krakow, 1898.
- Poláček L.* Ninth-century Mikulčice: the “market of the Moravians”? // *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*. Berlin; New York, 2007. Vol. 1. P. 499–524.
- Pritsak O.* The Origins of the Old Rus' Weights and Monetary Systems: Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries. Cambridge, 1998.
- Pusztay A.* Die Ungarn in Ihrem Staats- Und Nationalwesen Von 889 Bis 1841. Bd. 1. Leipzig, 1843.
- Rački F.* Razhod grada Zagreba 1362 godine // *Starine*. Zagreb, 1872. Kn. IV. S. 118–129.
- Schluter W.* Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII Jahrgungert. Dorpat, 1911.
- Somogyi P.* Byzantinische Fundmünzen der Awarenzeit / *Monographien zur Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie*. Bd 5. Budapest, 2014.
- Starodawne prawa polskiego pomniki. Warszawa, 1856. T. I.
- Steuer H.* Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig – Funde des 11. bis 13. Jahrhunderts aus Europa als Quellen zur Handels- und Währungsgeschichte. Köln; Bonn, 1997.
- Steuer H.* Die Ostsee als Kernraum des 10. Jahrhunderts und ihre Peripherien // *Siedlungsforschung. Archäologie – Geschichte – Geographie*. Bonn, 2004. Bd. 22. S. 59–88.
- Steuer H.* Waagen und Gewichte in Janów // *Der wikingerzeitliche Seehandelsplatz von Janów (Truso): geophysikalische, archäopedologische und archäologische Untersuchungen 2004–2008. (Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters Beiheft. Bd. 24)*. Bonn, 2012. S. 185–282.
- Sztetyllo J.* Scheven en Russie de Vladimir d'après le tarif des pèages et des douanes du milieu du XIVe siècle // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. 1966. T. 14. S. 779–794.

- Sztetyllo J.* Dranice i grzywny soboli // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 1967. T.15. S. 515–522.
- Sztetyllo J.* Asperioles i marca cunarum // Wiadomości Numizmatyczne. 1968. R. XII, z. 2. S. 87–103.
- Sztetyllo J.* Problème de l'argent non-métallique // I Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowiańskiej, Warszawa 14–18 IX–1965: Moneta w krajach słowiańskich. 1968. S. 205–222.
- Ugrin E.* Le trésor de Zalésie. Louvain-la-Neuve, 1987.
- Zuckerman C.* On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo // Ruthenica. 2011. T. X. P. 7–56.
- Žironkina O.* Seltene Perlenformen des chasarenzeitlichen Graberfeldes von "Netailovka" (Metallovka) am Nordlichen Donec (Severskij Donec) // Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen. Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11. bis 14. November 1994. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 1. Bonn, 1997. S. 249–252.

A.V. Komar

THE MONETARY UNITS OF EASTERN SLAVS IN THE PRE-STATE PERIOD

The article presents the extensive criticism of the idea (generally accepted in historiography) of the early expansion of money as payment for goods, its circulation and its units in the pre-state period. As for the use of some standard weight equivalents of economic value in noble metals up to the second half of the 9th century, the material signs of it have not been detected, despite hard efforts of researchers. No real archeological data (neither the finds of scales or other weighing tools nor the standardization of jewelry weight) can attest this. The attitude of Slavs to silver as a material for jewelry is especially marked with the different quality of silver in jewelry of the 7th – 9th centuries. The equation of the fur values system with the metal silver equivalent only took place when dirham appeared in Eastern Europe in the late 8th century. However, this process was not linear and prolonged for more than a century. It only acquired its definitive form in ancient Rus'. When applying the comparative method (like linguists do when they reconstruct the Proto-Slavic), the main currency units must have been "grivna", "grivna of kuna" or "veveritsa" (veksha, a squirrel), furs being the main monetary equivalent. The author suggests to interpret Old-Russian "grivna of kuna" as a fixed package of marten furs with the ring of iron wire (in the 10th – 11th centuries the wire was used to make necklaces (grivnas)). The time of appearance of those fur packages ("grivnas") with the standard of quality and number should be regarded as the real starting-point in the development of the Slavonic system of the equivalent exchange.

Key words: Slavs, Khazars, Scandinavians, grivna, fur trade, monetary and weight system, money as payment for goods.